

ISSN 2576-9782

Russian Studies in Culture and Society

Volume 8, Number 1
2024

ISSN 2576-9782

Russian Studies in Culture and Society

Volume 8, Number 1
2024

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2024

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-71857 от 08.12.2017 г.) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9782).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 8, Number 1, 2024

Главный редактор:

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Г.Д. Гриценко, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), **Е.М. Кирюхина**, д-р культурологии (Нижний Новгород, Российская Федерация), **В.Б. Малышев**, д-р филос. наук (Самара, Российская Федерация), **Т.П. Минченко**, д-р филос. наук (Томск, Российская Федерация), **Р.Б. Салморбекова**, д-р соц. наук (Бишкек, Кыргызстан), **Н.В. Серов**, д-р культурологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **Е.В. Хлыщева**, д-р филос. наук (Астрахань, Российская Федерация), **А.Р. Ахметова**, канд. ист. наук (Казань, Российская Федерация), **М.Х. Ахметова**, канд. соц. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **В.М. Большакова**, канд. юр. наук (Нижний Новгород, Российская Федерация), **Т.А. Магсумов**, канд. ист. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **Г.В. Малашин**, руководитель отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии РПЦ (Красноярск, Российская Федерация)

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Подписано в печать 29.03.2024. Дата выхода в свет 29.03.2024. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 7,41. Тираж 1000 экз. Свободная цена. Заказ RSCS81/2024. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-71857, 08.12.2017) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9782).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 8, Number 1, 2024

Editor-in-Chief:

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy (Rostov-on-Don, Russian Federation), **Elena M. Kiryukhina**, Doctor of Culturology (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Vladislav B. Malyshev**, Doctor of Philosophy (Samara, Russian Federation), **Tatyana P. Minchenko**, Doctor of Philosophy (Tomsk, Russian Federation), **Rita B. Salmorbekova**, Doctor of Sociology (Bishkek, Kyrgyzstan), **Nikolay V. Serov**, Doctor of Culturology (St. Petersburg, Russian Federation), **Elena V. Khlyshcheva**, Doctor of Philosophy (Astrakhan, Russian Federation), **Albina R. Akhmetova**, Ph.D. in History (Kazan, Russian Federation), **Milausha Kh. Akhmetova**, Ph.D. in Sociology (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Valentina M. Bolshakova**, Ph.D. in Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Timur A. Magsumov**, Ph.D. in History (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Gennady V. Malashin**, Head of the Department for Interaction of the Church with the Society and Mass Media of the Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Based on the conclusion of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, the journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Published by

Science and Innovation Center Publishing House

Approved for printing 29.03.2024. Format 60x84/16. Order RSCS81/2024. The Printing House. 27/24, Presnensky Val Str., Moscow, 123557 Russia

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-218

УДК 130.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ПРОБЛЕМА ИКОНОПИСНОГО КАНОНА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ

А.Н. Михайлов, Л.Б. Михайлова

Статья посвящена постановке проблемы иконописного канона и исследованию специфики канонических произведений в православной церковной живописи. С этой целью рассмотрена взаимосвязь художественно-эстетического канона в целом и иконописного канона в частности. Для уточнения смыслового наполнения понятий «иконописный канон» и «иконография» предложено разграничение терминов «иконографическая модель» и «иконографический тип». Специфика восточно-христианского иконописного канона исследуется в контексте особой гносеологической роли изобразительного искусства в системе православной культуры, обусловившей особенности иконописного символизма. Сформулированы общие и частные принципы канонической системы, выявляющие религиозно-философскую и художественно-эстетическую целостность иконописных образов, предназначенных для внерационального выражения божественного откровения и выступающих связующим звеном «дольнего» и «горнего», имманентного и трансцендентного уровней бытия.

Ключевые слова: *православная иконопись; иконописный канон; иконография; иконографическая модель; иконографический тип; религиозно-художественная целостность; иконописный образ*

Для цитирования. Михайлов А.Н., Михайлова Л.Б. Проблема иконописного канона в православной церковной живописи // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 1. С. 4-17. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-218

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE PROBLEM OF ICONOGRAPHIC CANON IN ORTHODOX CHURCH PAINTING

A.N. Mikhailov, L.B. Mikhaylova

The article is devoted to the formulation of the problem of the iconographic canon and to the study of the specifics of canonical works in Orthodox church painting. For this purpose, we study the relationship between the artistic-aesthetic canon in general and the iconographic canon in particular. To clarify the semantic content of the concepts “iconographic canon” and “iconography”, a distinction is proposed between the terms “iconographic model” and “iconographic type”. The specifics of the Eastern Christian iconographic canon are studied in the context of the special gnosiological role of visual arts in the system of Orthodox culture, which determined the features of iconographic symbolism. General and specific principles of the canonical system are formulated, revealing the religious-philosophical and artistic-aesthetic integrity of iconographic images intended for the non-rational expression of divine revelation and acting as a connection between the “earthly” and “celcstial”, immanent and transcendental levels of being.

Keywords: *Orthodox iconography; iconographic canon; iconographic model; iconographic type; religious-artistic integrity; iconographic image*

For citation. *Mikhailov A.N., Mikhaylova L.B. The Problem of Iconographic Canon in Orthodox Church Painting. Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 4-17. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-218*

Проблема иконописного канона, к сожалению, всё ещё принадлежит к разряду малоизученных. Достаточно сказать, что нет ни одной специальной работы монографического характера, посвященной этой теме. Она рассматривается лишь как «попутная» в ряде работ, авторы которых исследуют различные аспекты художественного

творчества и религиозного искусства. Определенные сложности в разработке этой проблемы связаны с тем, что она находится на стыке философии, искусствоведения, эстетики, религиоведения, богословия и требует совместных усилий ученых, работающих в разных областях научного знания. Этим, видимо, и объясняется в какой-то мере тот факт, что в отечественной литературе исследования, затрагивающие проблему иконописного канона, немногочисленны.

Хотя проблема иконописного канона в религиозном культовом искусстве не совпадает с проблемой художественно-эстетического канона в искусстве вообще, их тесная взаимосвязь очевидна. Исторически термин «канон» возникает в рамках древних метрических систем и понимается прежде всего количественно, как канон пропорций, определяющий соотношение частей изображаемой человеческой фигуры. Затем постепенно приобретает более широкое значение и выступает в качестве совокупности определенных норм и требований. По определению А.Ф. Лосева, канон – это «количественно-структурная модель художественного произведения такого стиля, который, являясь определенным социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования известного множества произведений» [9, с. 15]. Такая модель оказывается не только образцом, но и служит критерием оценки произведений искусства.

В сфере художественного творчества роль канона двояка: либо он участвует в становлении эстетических идеалов определенной исторической эпохи, а точнее, в их выражении в области искусства, либо защищает идеалы уходящего времени, уже исчерпавшие свои потенциальные возможности. В первом случае, в качестве идеала становящегося, канон играет роль не столько внешнего ограничителя, сколько внутреннего ориентира или вектора, направляющего и творчество художника, и восприятие зрителя. Именно в каноне фиксируются лучшие достижения искусства становящейся эпохи. Но, с другой стороны, в каноничности имплицитно заложено стремление к увековечиванию определенных способов художественного постижения мира, выработанных в ту или иную историческую эпо-

ху. Поэтому любой канон «таит в себе ограничивающее мертвящее начало, сначала незаметное, но постепенно обнаруживающееся все явственнее. Канон отчетливо проявляется в то момент, когда кривая подъема искусства останавливается и переходит в горизонтальную плоскость» [16, с. 113]. Канон как бы стремится удержать уровень искусства на должной высоте: в результате наступает период равновесия, когда в пределах канона происходит совершенствование уже найденных приемов. В искусствоведении эти периоды принято называть «утонченным искусством».

Элементы нового художественного сознания, зарождаясь в недрах уходящей эпохи, стимулируют поиск принципиально иных творческих приемов и способствуют формированию новых эстетических вкусов. Все жёстче ограничивая эти поиски, канон постепенно утрачивает статус идеала и образца, которому свободно следуют, и превращается в набор формальных требований и запретов, регламентирующих художественное творчество. Затем наступает период, когда разрушение канона становится неизбежным. Очевидно, что и становление художественных канонов, и их разрушение, являются в равной степени естественными и необходимыми закономерностями процесса художественно-эстетического освоения действительности.

Канон в сфере религиозного, и прежде всего, культового (то есть, непосредственно предназначенного для участия в церковной культовой практике) искусства, не может быть только эстетическим уже в силу того, что содержит не только художественные, но и религиозные требования. Церковный канон реализуется в целом ряде более конкретных канонов: богослужебном, музыкальном, архитектурном, иконописном, агиографическом и других. Нас прежде всего будет интересовать канон иконописный.

Несмотря на то, что во многих исследованиях по истории христианского искусства упоминается термин «иконописный канон», определение этого понятия, как правило, отсутствует, а смысл термина предполагается общеизвестным. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что даже применительно к одному из видов религиозного искусства – христианской культовой живописи – использование понятия

«иконописный канон» требует дополнительных пояснений, так как канон восточно-христианского искусства существенно отличается от церковного канона художественных исканий представителей западно-христианской церкви. Для византийского православного канона важна не только внешняя форма, но и выражение сущностного смысла христианской догматики. В то время как в западной католической традиции канон скорее функционирует как формально-устойчивая система воспроизведения религиозного сюжета.

С сожалением приходится отметить, что в отечественной литературе отсутствуют четкие определения таких понятий, как «иконописный канон» и «иконография» применительно к православной живописи. В ряде случаев они используются в качестве синонимов, что в какой-то мере и обуславливает путаницу как в определении роли канона, так и в оценке каноничности религиозно-художественных произведений. Разделение этих понятий представляется нам необходимым для дальнейшего анализа.

Канон в православном искусстве функционирует не только на формальном, но и на содержательном уровне. Иначе говоря, в сфере культовой живописи иконописный канон предполагает выражение определённых религиозных идей в определённой художественной форме. Эта совокупность формально-содержательных (художественно-религиозных) требований, являющаяся одновременно и образцом, и критерием оценки для создаваемых произведений и составляет смысловое поле понятия «иконописный канон».

В системе канонических требований, касающихся формально-художественной стороны иконописного образа, можно выделить трехчастную структуру: канон пропорций, цветовой канон и композиционный. Сложившаяся традиция словоупотребления такова, что термин «иконография» может быть отнесен и ко всей системе художественных требований, и только к композиционному решению. Для того чтобы избежать возможной и довольно часто встречающейся в исследовательской литературе путаницы, необходимо отделить иконографию в широком смысле слова от иконографии в узком смысле. Для этого мы предлагаем использовать понятия «иконографическая

модель» и «иконографический тип». В таком случае иконография в широком смысле слова, как стабильная изобразительная схема, обладающая ограниченным числом элементов и фиксированными правилами их сочетания, будет обозначена термином «иконографическая модель». Именно в таком смысле слова используется понятие «иконография», к примеру, в работе Языковой И. «Со-творение образа. Богословие иконы» [4]. Синонимом иконографии в узком смысле слова – как композиционного решения – выступит понятие «иконографический тип».

Иконографическая модель фиксирует формальную сторону иконописного канона. Но церковный канон в православной живописи прежде всего несет определенную смысловую нагрузку. Его основная функция – указание на сущностный архетип, так называемый «первообраз», знак умопостигаемого «горнего» мира, связывающий имманентный и трансцендентный уровни бытия.

По словам одного из крупнейших православных исследователей культовой живописи Л.А. Успенского, «иконописный канон есть известный принцип, позволяющий судить, является ли данный образ иконой или нет. Он устанавливает соответствие иконы Священному Писанию и определяет, в чем заключается это соответствие, т.е. подлинность передачи Божественного Откровения в исторической реальности тем способом, который мы называем символическим реализмом» [17, с. 66]. Таким образом, в качестве содержательной стороны иконописного канона выступает религиозное догматическое положение. Но этот факт не означает, что иконописные образы можно считать лишь иллюстрацией к библейским текстам и другим литературным источникам. Тесная взаимосвязь православной живописи и литературы не предполагает литературного диктата в иконописи. История византийской и древнерусской культуры предоставляет бесчисленное количество примеров как влияния литературы на изобразительное искусство, так и обратного влияния иконописи на литературу [2]. Например, некоторые сказания, видения, чудеса из жизни святых получали сначала живописные воплощения, а затем уже литературные. Таким образом, в рамках восточно-христианской

культуры «Образ» и «Слово», а точнее, словесный образ и образ пластический, функционировали в качестве нетождественных, но равноправных способов передачи информации. Вот как об этом говорит один из православных богословов: «В глазах церкви икона не является искусством, иллюстрирующим Священное Писание, но языком, ему соответствующим, однозначным, соответствующим не букве и не самой книге, содержащей Писания, а евангельской проповеди, то есть самому содержанию Писания, его смыслу, так же как богослужебные тексты. Поэтому икона и имеет в Церкви то же значение» [18].

Своеобразная гносеологическая роль изобразительного искусства в системе православной культуры в значительной мере обусловила устремленность творческого потенциала художников к поиску таких художественных форм и методов, которые позволили бы выразить в чувственных образах сверхчувственный «горний» мир, высший уровень бытия. Основанием таких поисков стала разработанная византийскими мыслителями (Дионисием Ареопагитом [4, 5], Максимом Исповедником [15], Иоанном Дамаскином [7], Симеоном Новым Богословом [14], Григорием Паламой [1] и др.) теория символического образа, обосновывающая принцип «неподобного подобия». Это во многом обусловило высокую степень символичности православной иконописи. По сути, символичность стала «атрибутивным свойством восточно-христианского церковного искусства. Поэтому в поисках наиболее адекватного художественно-эстетического языка православная иконопись отказалась как от слишком абстрактного и отвлеченного символизма, свойственного раннему христианству, так и от излишне подробной повествовательности постиконоборческого периода в византийском искусстве» [12, с. 39].

Принципиальное отличие символа от других знаков заключается в том, что его соотношение с обозначаемым многозначно и неопределённо. Но именно символический характер изображения делает возможным выражение представлений об ирреальном с помощью реального. «Символ, – по словам А.Ф. Лосева, – есть знак, однако не мертвый и неподвижный, а рождающий собою многочисленные,

а может быть, и бесчисленные закономерные и единичные структуры, обозначенные им в общем виде как «отвлеченно-данная идейная образность» [10, с. 66]. Смысловое поле любого символа нельзя свести к однозначной вербальной формулировке. Его можно лишь пояснить, соотнося с дальнейшими символическими уровнями. Поэтому смысловой объем религиозного символа не может быть сведён к догмату. Именно в этом и состоит принципиальное отличие символа от аллегории, смысловое значение которой вполне выразимо в некоторой рассудочной формуле. Вспомним рассуждения И.В. Гёте: «Аллегория превращает явление в понятие, понятие в образ, но так, что понятие все еще содержится в образе в определенной и полной форме и с помощью этого образа может быть выражено. Символика превращает явление в идею, идею в образ, и притом так, что идея всегда остается в образе бесконечно действенной и недостижимой. Даже выраженная на всех языках она осталась бы все-таки невыразимой» [3, с. 586]. Вместе с тем, касаясь принципиальных различий между символом и аллегорией, важно не упустить из виду пределы такого противопоставления, так как «одна и та же выразительная форма, смотря по способу соотношения с другими смысловыми выразительными или вещественными формами, может быть и символом, и схемой, и аллегорией одновременно» [8, с. 69], в зависимости от точки зрения и уровня восприятия.

Канонический тип культуры предполагает постепенное созерцательное углубление в одни и те же знаки, символы, образы. Поэтому восприятие канонического произведения построено по принципу движения от первоначального «схватывания» сюжетной канвы к постепенному освоению восходящих уровней внутренней семантики, значительно расширяющих смысловое поле религиозно-художественного образа. И если «информационный объем канона можно в какой-то мере считать фиксированным и стабильным, то было бы ошибкой относить это утверждение ко всему иконописному образу. Дело в том, что художественное произведение канонического типа функционирует в рамках канонической культуры не как источник информации (так как догматическое содержание общеизвестно), а

как её возбудитель» [12, с. 39]. По словам Ю.М. Лотмана, «получатель <...> средневекового художественного сообщения лишь поставлен в благоприятные условия для того, чтобы прислушаться к самому себе. Он не только слушатель, но и творец. С этим связано и то, что столь каноническая система не теряет способности быть информационно активной» [11, с. 317].

Специфика иконописного канона как религиозно-художественной целостности может быть выявлена в процессе исследования общей канонической системы. С определенной долей условности в этой системе можно выделить две категории принципов: общие, универсальные принципы, не зависящие от того, что изображается, и частные, непосредственно связанные со спецификой изображаемых объектов.

К числу общих канонических принципов, определяющих специфику иконописных изображений, можно отнести следующие: закрепление человеческой фигуры в смысловом и формальном центре любой композиции; символическое масштабирование фигур, предметов и сооружений; «обратная перспектива», исключая случайные ракурсы и искажения, обуславливающая создание «онтологического портрета» изображаемого; особая световая моделировка пространства, так называемое «светолитие», рассеянное свечение, не имеющее определенного источника света и не допускающее тени; использование символической цветовой палитры с фиксированным значением семантики каждого цвета; пространственно-временная синхрония событий и принцип синтеза зрительного впечатления [подробнее об этом см. 12, с. 39-44].

В составе канонической системы могут быть выделены и более конкретные требования частного характера, касающиеся приёмов изображения некоторых групп или отдельных лиц. Так, например, «доличное» в изображении святых (это прежде всего одеяния) представляют признаки, характеризующие чин прославления: праотцы, мученики, преподобные, святители и т.п. В то же время «личные» признаки (например, форма и цвет бороды) являются уже индивидуальными характеристиками, служащими для опознания конкретных

святых. С другой стороны, такие признаки, как смуглость кожи, изможденность, строгость в выражении лица даже при изображении младенца, представляют собой необходимый атрибут святости, то есть являются такими же общими признаками святого, как и изображение нимба. Подробное перечисление таких общих и персональных признаков мы найдем в многочисленных толковых подлинниках, которыми пользовались православные иконописцы [6, 13].

Таким образом, анализируя основные принципы иконописного канона, сложившегося в результате синкретического взаимодействия философско-религиозных, эстетических и художественных исканий восточно-христианской культуры, важно не упускать из виду границы применимости утверждений о догматичности, стабильности и неизменности иконописного художественного творчества. А обращаясь к проблеме соответствия отдельных произведений иконописного искусства церковному канону, нельзя забывать о том, что это соответствие может быть либо исходным этапом творчества, либо его конечной целью. Во втором случае мастер избирает путь подражания и ремесленничества, воспроизводя и тиражируя иконографические модели. В первом же случае рождаются подлинные шедевры православного церковного искусства, для создания которых иконописный канон, воплощенный во всей полноте формально-содержательного единства, служит исходным структурообразующим принципом, реализующимся в индивидуальных религиозно-философских и художественных исканиях иконописца. Поэтому нет противоречия в том, что лучшие произведения православной иконописи, являясь каноничными, обладают глубоко индивидуальными чертами.

Список литературы

1. Беседы (омилии) святителя Григория Паламы: [в 3 част.] Москва: Паломник, 1993. Ч. 1. 255 с.; Ч. 2. 254 с.; Ч. 3. 259 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/homilia/ (дата обращения: 14.11.2023).
2. Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 38. Л.: Наука, 1985. 543 с.

3. Гете И.В. Максимы и рефлексии // Гете об искусстве. М.: Искусство, 1975. С. 580 – 594.
4. Дионисий Ареопагит. О божественных именах; О мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1994. 370 с.
5. Дионисий Ареопагит. О небесной Иерархии. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2022. 92 с.
6. Ерминия или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом 1701-1733 год / [Пер.] Порфирия, еп. Чигиринского. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1868. 250 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/ikona/erminija-ili-nastavlenie-v-zhivopisnom-iskusstve-sostavlennoe-ieromonahom-i-zhivopistsem-dionisiem-furnoagrafiotom/> (дата обращения: 14.11.2023).
7. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против отвергающих святые иконы // Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913, Т.1, с.351-402. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tri-zashhitelnykh-slova-protiv-poritsajushhikh-svjatyje-ikony/ (дата обращения: 14.11.2023).
8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
9. Лосев А.Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: ГРВЛ. 1973. 256 с.
10. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
11. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). СПб.: Академический проект, 2002. С.314-321.
12. Михайлова Л. Б. Философия русской иконы: эстетическая манифестация религиозного сознания // Ценности и смыслы. 2016. № 6. Т.1. С.36-52.
13. Подлинник Иконописный. Издание С.Т. Большакова. Под редакцией А.И. Успенского. Репринтное издание с оригинала 1903 г. М.: Нобель Пресс, 2015. 428 с.
14. Слова преподобного Симеона Нового Богослова в 2-х томах. М.: Правило Веры, 2015. 1549 с.

15. Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1. М.: Мартис, 1993. 640 с.
16. Тюляев С.И. Каноны в средневековой пластике Индии // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: ГРВЛ. 1973. 256 с.
17. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: Дар, 2008. 656 с.
18. Успенский Л.А. Седьмой Вселенский Собор и догмат об иконопочитании // Пастырь: просветительский журнал / учредитель Фонд Святого благоверного князя Александра Невского. Москва: Самшит-издат, октябрь-ноябрь 2007. URL: <https://old.glinkie.ru/common/mpublic.php?num=144> (дата обращения: 14.11.2023).
19. Языкова И. Со-Творение образа. Богословие иконы. М.: Издательство ББИ, 2012. 368 с.

References

1. *Besedy (omilii) svjatitelja Grigorija Palamy* [Conversations (omilies) of St. Gregory Palamas]. Moscow: Palomnik, 1993, vol. 1, 255 p.; vol. 2, 254 p.; vol. 3, 259 p. https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/homilia/ (accessed 14.11.2023).
2. Interaction of Old Russian Literature and Fine Arts. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 38. L.: Nauka, 1985, 543 p.
3. Goethe I.V. Maxims and Reflexions. *Goethe on Art*. M.: Iskusstvo, 1975, pp. 580-594.
4. Dionisij Areopagit. *On Divine Names; On Mystical Theology*. St. Petersburg: Glagol, 1994, 370 p.
5. Dionisij Areopagit. *On the Heavenly Hierarchy*. St. Petersburg: Society in Memory of Hegumen Taisia, 2022, 92 p.
6. *Erminia or Instruction in the Art of Painting, compiled by Hieromonk and painter Dionisius Furnoagrafiot 1701-1733*. Kiev: Kiev-Pechersk Lavra, 1868, 250 p. <https://azbyka.ru/otechnik/ikona/erminija-ili-nastavlenie-v-zhivopisnom-iskusstve-sostavlennoe-ieromonahom-i-zhivopistsem-dionisijem-furnoagrafiotom/> (accessed 14.11.2023).

7. Ioann Damaskin. Three defensive words against those who reject holy icons. *The Complete Collection of the Works of St. John Damascene*. St. Petersburg, 1913, vol. I, pp. 351-402. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tri-zashhitelnykh-slova-protiv-poritsajushhikh-svjatyeh-ikony/ (accessed 14.11.2023).
8. Losev A.F. *Dialectics of Myth*. Moscow: Mysl, 2001, 558 p.
9. Losev A.F. On the Concept of Artistic Canon. *The Problem of Canon in Ancient and Medieval Art of Asia and Africa*. Moscow: GRVL, 1973, 256 p.
10. Losev A.F. *The Problem of the Symbol and Realistic Art*. Moscow: Art, 1995. 320 p.
11. Lotman Ju.M. Canonical Art as an Information Paradox. *Articles on Semiotics of Culture and Art (Series "The World of Art")*. SPb.: Academic Project, 2002, pp. 314-321.
12. Mihajlova L. B. Philosophy of the Russian icon: aesthetic manifestation of religious consciousness. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 2016, no. 6, vol. 1, pp. 36-52.
13. *Original Iconographic* / Edition by S.T. Bolshakov. Edited by A.I. Uspensky. Reprint edition from the original 1903. Moscow: Nobel Press, 2015, 428 p.
14. *Words of the Venerable Simeon the New Theologian in 2 volumes*. M.: Rule of Faith, 2015, 1549 p.
15. *The Works of the Monk Maximus the Confessor. Book I*. M.: Martis, 1993, 640 p.
16. Tjuljaev S.I. Canons in the medieval plastic art of India. *The problem of the canon in the ancient and medieval art of Asia and Africa*. Moscow: GRVL, 1973, 256 p.
17. Uspenskij L.A. *heology of the Icon of the Orthodox Church*. Moscow: Dar, 2008, 656 p.
18. Uspenskij L.A. The Seventh Ecumenical Council and the Dogma of Iconoclasm. *Pastyr* [Pastor]. Moscow: Samshit-izdat, October-November 2007. URL: <https://old.glinkie.ru/common/mpublic.php?num=144> (accessed 14.11.2023).
19. Jazykova I. *Co-Creation of the Image. The Theology of the Icon*. Moscow: BBI Publ., 2012. 368 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Михайлов Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ул. Красноказарменная, 14, стр. 1, г. Москва, 111250, Российская Федерация
MikhailovAN@mpei.ru

Михайлова Лариса Борисовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, г. Москва, 119991, Российская Федерация
lb.mikhajlova@mpgu.su

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Mikhailov, Ph.D. (Philosoph.), Associate Professor of History and Culturology Dept.
National Research University “Moscow Power Engineering Institute”,
17, build. 1, Krasnokazarmennaya Str., Moscow, 111250, Russian Federation
MikhailovAN@mpei.ru
SPIN-code: 8311-7221

Larisa B. Mikhaylova, Ph.D. (Philosoph.), Associate Professor of Philosophy Dept.
Moscow State Pedagogical University
1, build. 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation
lb.mikhajlova@mpgu.su
SPIN-code: 7181-7786

Поступила 11.12.2023

После рецензирования 30.12.2023

Принята 09.01.2024

Received 11.12.2023

Revised 30.12.2023

Accepted 09.01.2024

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-225

УДК 316.733

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «ТЕРРУАРА»

В.О. Пугачёва

Данная статья посвящена исследованию концепции «терруара» как социокультурной конструкции. В работе представлены история развития и основные идеи создания концепции «терруара» в контексте формирования региональной культурной идентичности. Отсутствие единого подхода к определению ключевых характеристик «терруара» связано с тем, что он включает в себя не только совокупность почвенных и климатических особенностей, но и культурных. С учетом трудностей перевода термина, недостаточного количества русскоязычных материалов особое место в работе занимает обзор переведенных автором иностранных научных исследований, посвященных концепции «терруара» и выявлению его роли в формировании культурной идентичности.

Цель исследования: выявить исследовательский потенциал концепции «терруара» для анализа культурных практик, связанных с производством и потреблением вина.

Методология исследования заключается в использовании структурно-типологического метода для анализа концепции «терруара» и генетического метода для установления причинно-следственных связей природных и культурных факторов формирования «терруара». Работа также опирается на метод культуральной классификации для группировки типологических признаков «терруара» как результата преобразования человеком природного явления в социокультурную конструкцию.

Результаты: впервые на материале зарубежных научных источников рассмотрен процесс становления концепции «терруара», которая предполагает включение социальных и культурных аспектов в определение терруара, закрепляет его связь с культурным ландшафтом. Терруар рассмотрен как совокупность природных и культурных характеристик, оказывающих существенное влияние на процесс формирования и актуализации региональной культурной идентичности.

Область применения результатов. Работа представляет собой вклад в современные культурологические, философские, социологические, маркетинговые, туристические и экономические исследования терруара, поскольку устанавливает связь между практиками возделывания и потребления вина и культурной идентичностью региона. Работа может стать основой для формирования культурной политики и имиджа винодельческих регионов России.

Ключевые слова: терруар; концепция «терруар»; культурная идентичность; культурная практика; вино; виноделие

Для цитирования. Пугачёва В.О. Культурологический анализ концепции «терруара» // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 1. С. 18-33. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-225

Original article | Theory and History of Culture and Art

CULTURAL STUDIES ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “TERROIR”

V.O. Pugacheva

This article is devoted to the study of the concept of “terroir” as a socio-cultural structure. The paper presents the history of development and the main ideas of the creation of the concept of “terroir” in the context of the formation of regional cultural identity. The lack of a unified approach to determining the key characteristics of the “terroir” is due

to the fact that it includes not only a set of soil and climatic features, but also cultural ones. Taking into account the difficulties of translating the term, the insufficient number of Russian-language materials, a special place in the work is occupied by a review of foreign scientific studies translated by the author on the concept of “terroir” and the identification of its role in the formation of cultural identity.

The purpose of the study is to identify the research potential of the concept of “terroir” for the analysis of cultural practices related to the production and consumption of wine.

The research methodology consists in using a structural and typological method to analyze the concept of “terroir” and a genetic method to establish cause-and-effect relationships between natural and cultural factors of the formation of “terroir”. The work also relies on the method of cultural classification to group the typological features of the “terroir” as a result of human transformation of a natural phenomenon into a socio-cultural structure.

Results: for the first time, based on the material of foreign scientific sources, the process of formation of the concept of “terroir” is considered, which involves the inclusion of social and cultural aspects in the definition of terroir, strengthens its connection with the cultural landscape. The terroir is considered as a set of natural and cultural characteristics that have a significant impact on the process of formation and actualization of regional cultural identity.

The scope of the results. The work is a contribution to modern cultural, philosophical, sociological, marketing, tourism and economic studies of the terroir, as it establishes a link between the practices of wine cultivation and consumption and the cultural identity of the region. The work can become the basis for the formation of cultural policy and the image of the wine regions of Russia.

Keywords: terroir; concept of “terroir”; cultural identity; cultural practice; wine; winemaking

For citation. Pugacheva V.O. Cultural Studies Analysis of the Concept of “Terroir”. *Russian Studies in Culture and Society*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 18-33. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-225

Введение

«Терруар» происходит от французского слова, обозначающего «почву» (*terre*), который сложно переводится с французского на любой другой язык. Многие авторы, пишущие о вине в различных сферах, избегают употребление и категоризации этого термина. Здесь следует выявить различия между терруаром как совокупностью почвенно-климатических факторов, особенных характеристик местности и концепцией «терруара» (связь между местом и происхождением, производством, распределением и потреблением продуктов питания), которая будет рассмотрена в статье. Для более детального анализа терруара обратимся к истории. В данной работе используется авторский перевод ряда иностранных источников.

История развития терруара началась после I века н. э. в Бургундии благодаря монахам, которые ухаживали за своими «клозетами» (огороженное место). Монахи осознавали, что «терруар» – это нечто большее, чем просто тип почвы. Так, известный винодел и геолог Дэвид Джонс писал: «то, что вы находите в бутылке вина – это сто миллионов лет геологической истории» [1, с. 54]. Кроме того, влияние преобразующих усилий человека по отношению к земле должно быть одним из важных факторов. Осушение болот, сооружение «мургеров» (каменных куч) и ограждающих стен для борьбы с эрозией, земля, доставляемая с вершин холмов, дробление горных пород и другие действия человека – все это можно воспринимать как часть терруара.

Монахи-цистерцианцы имели длительный опыт владения одной из известных и давно используемых для виноделия земель – Кло-де-Вужо (*Clos de Vougeot*). Они изучили особенности этой территории, ее возможности, и к XII веку могли определять места, пригодные для производства вина. Их подход был не научным, а эмпирическим, основанным на пробах и ошибках.

В XVIII веке были выделены климатические зоны – четко разграниченные участки земли с конкретным названием, предназначенные для виноградарства. Их точное местоположение, состав почвы и подпочва, внешний вид, микроклимат и история и составляли характеристики уникальной индивидуальности терруара.

Согласно историку и виноделу Ж.-П. де Смету, именно монахи-цистерцианцы сохраняли навыки виноделия на протяжении всего европейского Средневековья. «С точки зрения ранних монастырских виноделов, мир и все в нем было даром Божиим, поэтому они работали над поиском наилучших сочетаний земли и винограда для производства вина, чтобы возблагодарить Бога» [3, с. 22]. После передачи церковных земель в частные руки в 1789 году, значение термина «терруар» стало меняться. Так, «терруар» стал означать почву, ориентированную на определенный вид сельскохозяйственного производства.

В «Универсальном словаре Фюртьера» (1690) автор понимает терруар вполне конкретно: «Виноградные лозы требуют сухого, каменистого терруара, в то время как ивы, ольхи и тополя требуют влажного, болотистого терруара, а пшеница – жирного, плодородного терруара» [6, с. 62].

В конце XVII века (1694) словарь Французской академии дал аналогичное определение и упомянул пример Бургундии, в которой был расположен «хороший терруар для виноградной лозы». Далее в словаре находим еще одно уточнение: «Говорят, что вино пахнет терруаром, у него есть вкус терруара и определенный [землистый] привкус, обусловленный качеством терруара». У антрополога Клод Шапью находим негативную коннотацию термина, он использует выражение «человек, пахнувший терруаром» (*a man smelling of terroir*), что означает, что у человека есть недостатки, которые обычно ассоциируются с его родной деревней. Аналогичным образом в городских школах считалось, что ученики, говорящие с сильным, «уродливым» деревенским акцентом говорят с акцентом «терруара» [2, с. 12].

Только в 1960-х годах выражение «*goût de terroir*» (вкус терруара) начало приобретать позитивный смысл, тогда как ранее оно использовалось для обозначения недостатков, которые, как предполагалось, исходили от почвы.

XX век был периодом позитивной переоценки терруара и становление концепции «терруара» как особого места с набором

специфических свойств. Обратимся к этимологии географических названий. Многие отдельные участки в Бургундии носят названия, которые подчеркивают особенности места произрастания виноградных лоз. Таким образом, Les Perrières (Ле-Перьер в Алокс-Кортоне, Мерсо) – это старые каменоломни, Les Chaillots (Лес Шайо в Алокс-Кортоне) – гравийная почва, Les Argillières (Лес Аргильер в Поммар) – глинистая почве.

Неслучайно бургундцы выделили понятие «терруара» в регионах, где располагались небольшие поместья с производством вина (в Кот-де-Нюи и Кот-де-Бон насчитывается 1247 климатических зон, в среднем по 5 гектаров на зону). Чтобы оценить различия между винами разных сортов, необходимо «винифицировать» (процесс преобразования виноградного сула в вино. В широком смысле под винификацией подразумевают весь процесс производства вина) виноград с каждого участка отдельно. Кроме того, производитель ухаживает за лозами и собирает урожай винограда, производит вина и имеет возможность регулярно пробовать и сравнивать их. Наконец, что еще более важно, в поместьях Бургундии выращивают два сорта: пино нуар – для красных вин и шардоне – для белых, что является частью традиции. Использование винограда одного сорта, выращенного на разных участках земли, является нарушением технологии производства аутентичных вин (профессиональный термин, включающий в себя традиционные методы производства, вкусовые характеристики, историю, уникальность вина) и не одобряется французскими виноделами,

Исходя из этого, «терруар» в первую очередь указывает нам на конкретную местность, где различия между винами обусловлены физиологией места, почвой и типом винограда и, конечно же, климатом и методами производства. Только в XX веке исследователи стали выделять культурный фактор. Расширяя границы понимания терруара, профессор и специалист по маркетингу в области виноделия Д. Баллантайн утверждал, что терруар является одновременно технической и социальной конструкцией [1, с. 9]. Это дает нам основания полагать, что «терруар» в настоящее время является актуальной и

дискутируемой темой в гуманитарных исследованиях. Холистические, динамические и релятивистские концепции «терруара» – все это важные составляющие при проведении культурологического исследования концепции «терруара».

Литературный обзор

На сегодня большое внимание уделяется концепции «терруара» в контексте гуманитарных дисциплин, что подтверждают культурологические, антропологические и философские исследования винодельческой культуры, в которых особенно проявляются культурные обоснования связей между землей (*terra*) и культурной идентичностью виноделов (региона). Несмотря на то, что многие работы в большей степени касаются взаимосвязи между физиологическими (особенности возделывания почвы с учетом ее природных характеристик и функциональности) и техническими аспектами сельскохозяйственной и винодельческой деятельности по производству вина, некоторые авторы подчеркивают нематериальные культурные аспекты терруара. Например, винный антрополог Д. Гаде [7], который исследует терруар Франции и его традиции, винный исследователь К. Ван Левен [15], изучающий особенности как физиологических свойств терруара, так и культурных. Также важными работами для культурологического анализа выступают работы доктора философских наук и винного исследователя Э. Водур [16], геолог Д. Уилсон [19], выделяют связь людей с землей и традициями региона.

В то время как состав физиологических аспектов виноделия (винодельческий термин, который включает в себя химические и биологические свойства вина), легко признается и согласовывается в научном сообществе, культурные факторы часто игнорируются, что является актуальной областью исследования в контексте культурологии. Например, согласно геологу Д. Уилсону, «культура местности, расовый и религиозный аспекты, традиции, экономический и образовательный уровень ее жителей» интегрированы с физиологическими компонентами терруара, но без подробного объяснения [19, с. 18].

Недавние исследования показывают, что сочетание физиологических и культурных элементов играет важную роль в качестве и позиционировании вина обществе. В частности, Эмилия Водур утверждает, что культурная идентичность часто используется как компонент в маркетинговых стратегиях для формирования эмоциональной привязанности потребителей к конкретному продукту. Она ввела концепцию, согласно которой идентичность терруара состоит из «родословной, аутентичности и традиций», что активно используется при сохранении культурного наследия винодельческих регионов, выстраивании структуры маркетинговой политики малых виноделен, и минимизации ущерба глобализации на рынок аутентичных вин. Однако без четкого определения культурных элементов аспектов виноделия и практики потребления вина невозможно разработать эффективную рекламную кампанию, что отсылает к более детальному анализу концепции «терруара». Следовательно, глубокий анализ концепции терруара позволит обосновать культурные факторы формирования концепции «терруара» и его использование различными сторонами винодельческой индустрии.

Исследования о терруаре охватывают широкий спектр подходов. Например, в работе «Концепция терруара в виноградарстве» К. Ван Левен и Г. Сеген [15] используют технический подход к доказательству существования «терруара», философ и винный журналист Р. Скрутон, в исследовании «Философия вина» [13] описывал чувственные аспекты вина, Ф. Уэйлен использовал антропологический подход в работе «Безжалостный источник счастливых воспоминаний: Гастон Рупнель и фольклор бургундского терруара» [18] для демонстрации использования терруара в качестве маркетинговой стратегии.

В качестве предмета «терруар» присутствует в политическом, экономическом, историческом, религиозном и научном дискурсе как в местном (региональном), так и в глобальном (международном) контекстах. Главным дискурсом во всех этих работах выступают люди, место, вино и взаимоотношения между ними.

Потребление пищи и пищевые практики имеют более глубокое значение, чем просто обеспечение организма питательными веще-

ствами. Исследования Мэри Дуглас [4] и Клода Леви-Стросса [11] продемонстрировали связь между едой, культурными значениями, культурными различиями и идентичностью. М. Дуглас рассматривала процесс приготовления пищи как материальную и социальную трансформацию, включающую знания и навыки людей.

К. Леви-Стросс выдвинул теорию о том, что процесс приготовления пищи преобразует природу в культуру («Человечество начинается с кухни. Именно приготовление еды представляет процесс преобразование людьми природы в культуру. Здесь значима «двойная оппозиция: с одной стороны, продуманное/непродуманное, а с другой – культурное/природное воздействие»).

Французский философ Ж. Брилья-Саварин в работе 1925 года «Физиология вкуса» выразил тесную связь между едой и идентичностью так: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты». Концепция «терруара» в дальнейшем стала включать все больше элементов связанных с культурной идентичностью (связь между местом, культурным пространством и культурной идентичностью).

Философ Р. Скрутон рассматривает концепцию терруара как «празднования» наших взаимоотношений с окружающей природой («celebration of our relationship with our natural surroundings» – определение Р. Скрутона) [13, с. 44]. Терруар, по его словам, не просто отражает характеристики почвы того или иного места, но дает возможность познакомиться с историей, географией и обычаями сообщества. Философский взгляд на концепцию «терруара» помогает ввести этот термин в более широкий культурный исследовательский контекст и рассмотреть терруар, в том числе, как совокупность некоторых культурных характеристик и культурных практик.

Сама идея о неразрывной связи места и продукта начала широко использоваться во Франции в XVII веке. Значение идеи терруара начало меняться в начале XIX века, когда богатый бургундский землевладелец заметил, что, хотя все винодельни, по сути, производят вино одинаковым способом, некоторые вина на вкус лучше других. Исходя из этого наблюдения, он предположил, что различия,

должно быть обусловлены почвой, камнями под виноградником и особым подходом виноделов.

Э. Трубек предполагает, что эта взаимосвязь привела французов к выработке того, что они считали национальным взглядом на питание. Этот фундаменталистский взгляд на терруар воспринимался французами как отражение реальности. Э. Трубек утверждает, что пристальное изучение исторических событий раскрывает несколько иную и более точную картину. Таким образом, именно культурная составляющая, люди и их история, в конечном счете определяют концепцию терруара. Основной тезис Э. Трубек в том, что «терруар – это всемирное явление, которое существует до тех пор, пока оно имеет значение для общества» [14, с. 21-22].

Антрополог Ф. Уэйлен поддерживает эту точку зрения в статье «Безжалостный источник счастливых воспоминаний: Гастон Рупнель и фольклор бургундского терруара». Автор исследует, как фольклор и концепция терруара использовались для популяризации бургундской региональной культуры в период между двумя мировыми войнами (1919-1939). Гастон Рупнель был провинциальным фольклористом, который использовал образы сельской жизни, чтобы изменить культурную идентичность Франции. Цель состояла в том, чтобы объединить консервативные культурные традиции с современными промышленными практиками и стимулировать экономический рост, одновременно воспитывая гордость за сельскую местность Франции. Г. Рупнель писал, что «следует признать, что именно непрерывному чуду человеческого труда вино обязано своим характером и сохранностью. Наши первоклассные бургундские вина в такой же степени являются плодом человеческих усилий, как и продуктом почвы» [18, с. 41].

Г. Рупнель пропагандировал деревенские стереотипы с помощью фольклорных гастрономических ярмарок и винных фестивалей, чтобы заново изобрести традиционную региональную культурную идентичность в качестве альтернативы космополитической французской националистической идентичности, которая формировалась в тот период. Г. Рупнель утверждал, что концепция «терруара» содержит

дух прошлого, «переступающего пределы») («transcending») время. Затем интересы Г. Рупнеля переместились на фигуру виньерона (производителя винограда) Бургундского региона как носителя французской сельской идентичности. Он впервые применил концепцию терруара к специфическим методам виноградарства.

Также, антропологический контекст изучения терруара находим и у писателя Уэверли Рут, который характеризует бургундское вино так: «из региона удалых великих герцогов Запада, похотливых сынов внутренних земель, выращенных там, где мужчины жили близко к земле, сохраняя свое деревенское богатство, с большой готовностью проявить свое влияние вовне, нежели приветствовать другие влияния, направленные на него, - насыщенные, сильные, землистые... Великий бургундец подобен сельскому джентльмену, набравшемуся мудрости в умелом возделывании своих земель» («from the region of the swashbuckling Grand Dukes of the West, the lusty sons of inland soil, grown where men lived close to the land, remained rustic in richness, and exerted their own influence outward more readily than they welcomed other influences directed inward, is full-bodied, strong, earthy ... A great Burgundy is like a country gentleman grown wise in the skillful cultivation of his lands») [17, с. 39].

Результаты

Указанные нами исследования подготовили почву для создания современной версии концепции «терруара», ознаменовавшую принятие национальным сознанием региональной народной идентичности, связанные с практиками возделывания и потребления вина.

Характеризуя «терруаристов» и «терруаризм», Р. Скрутон, использует эмоционально окрашенные выражения – «интенсивность гнева и страсти национальной гордости, связанных с проблемой терруара» («the intensity of anger and the passion of national pride involved in the issue of terroir») [13, с. 52]. К продуктам терруара, в особенности к вину, французы относятся как к национальным брендам, на которых, в том числе, основывается их чувство патриотизма. Эти бренды олицетворяют качество и под-

линный опыт «гут-дю-терруара» (*goût du terroir* – «вкуса земли»), а следовательно, несут в себе французскую культурную самобытность.

Профессор Института пищевых исследований Стэнфордского университета и ведущий мировой эксперт в торговой политике Тим Джослинг в статье «Война с терруаром: географические указания как трансатлантический торговый конфликт» [10], которая была публично представлена в качестве обращения Международного политического совета по торговле продовольствием и сельскохозяйственной продукцией, подчеркивает политическую серьезность и глобальные последствия (утрата традиционных методов производства и аутентичности вин) использования концепции терруара. Автор описывает эту концепцию как существенную связь между местоположением производства и конкретным признаком качества. В его статье исследуются юридические и экономические аргументы в торговых переговорах и спорах, касающихся сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, между Соединенными Штатами и Европейским союзом. Автор отмечает рост интереса к охране культурных ценностей и тех товаров, которые воплощают традиционные методы производства.

Т. Джослинг объединяет концепцию терруара с термином «географические указания» (*geographical indications* (GIs)), чтобы представить форму интеллектуальной защиты, которая будет использоваться при изучении информации о потребительских свойствах пищевого продукта. ГУ (географические указания) обозначают то, что они отражают определенное качество, вкус, культурную самобытность и другую связанную с этим информацию, важную для потребителя. Автор затрагивает важный вопрос о том, защищают ли ГУ культурные традиции и практику или просто используются для обеспечения маркетинговых и экономических преимуществ. Указанное выше обращение, стало важным в сфере торговой политики и сохранения идентичности мест, поскольку оно актуализировало проблемы и регулирования в области охраны культурных ценностей и внимания к терруарным товарам, которые воплощают традиционные методы производства. Усилиями Т. Джослинга работы по сельскому хозяйству,

(включая работы по виноделию) вышли за пределы академического сообщества и приобрели прикладное значение.

Качество и культурная самобытность, заложенные в методах ведения сельского хозяйства и традиционных обычаях производства (иными словами, суть концепции «терруара») рассматриваются как фундамент, на котором производители и потребители выстраивают оценочные суждения о качестве и подлинности продуктов, которые ассоциируются у них с регионом, страной, способом производства или с конкретным терруаром. Исследователь Роберт Фейган предлагает рассматривать «терруар» как социокультурную конструкцию, которая проявляет и регулирует взаимосвязь между природой, качеством, регионом, производителями и потребителями [5, с. 15].

Суть вина гораздо богаче, чем просто совокупность физиологических свойств. Французский энолог Эмиль Пейно описал «терруар» как «двойственное общение», воплощенное в вине: «с одной стороны, с природой и почвой, через тайну роста растений и чудо ферментации, а с другой – с человеком, который смог сделать вино с помощью средств познания, упорного труда, терпения, заботы и любви». (“dual communion” represented by wine: «on the one hand with nature and the soil, through the mystery of plant growth and the miracle of fermentation, and on the other with man, who wanted wine and who was able to make it by means of knowledge, hard work, patience, care and love») [12, с. 33].

Заключение

Концепция «терруара» неразрывно связана с нашим чувством общности и места, и является мощным средством коммуникации между вином и культурной идентичностью. «Терруар» также трансформируется за счет человеческих знаний и умений, приобретенных в прошлом и переданных в качестве культурного наследия будущим поколениям.

Историю развития термина «терруар» можно свести к постепенному расширению первоначального значения – совокупность почвенно-климатических факторов и особенных характеристик

местности – до возникновения концепции «терруара» как связи между местом и происхождением, производством, распределением и потреблением продуктов питания. Почва и климат помогают дифференцировать вина, но отличительная региональная культурная идентичность, история и практики производства и потребления являются структурирующими элементами благодаря взаимодействию между физиологическими и культурными факторами терруара. Территория формирует не только ее продукт, то есть сельское хозяйство, но и производителей, то есть культуру, от языка и литературы, поведенческих черт и самобытности, до образа мышления и региональных особенностей.

Значительную роль в формирование концепции «терруара» (с учетом культурных аспектов воплощенных в самобытности виноделов) внесли, винный антрополог Д. Гаде, винный исследователь К. Ван Левен, доктор философских наук и винный исследователь Э. Водур, винный журналист и философ Р. Скрутон – все они выделяют связь людей с землей и традициями региона. Ряд указанных идей важны не только для закрепления культурного контекста «терруара», но и для сохранения традиционных методов производства аутентичного вина в международных торговых процессах.

Таким образом, в современном академическом дискурсе употребление термина «терруар» обозначает не только возделываемую территорию, но и культурный ландшафт, с которым жители поддерживают исторические и культурные связи. Для культурологических исследований особенно важным является анализ социальных и культурных аспектов концепции «терруара» как совокупности смыслов и практик, формирующих культурную самобытность регионов.

С этих позиций терруар представляет собой идеальный культурный конструкт, позволяющий связать место, время, обычаи и традиции с производством, потреблением и эпистемологией вина. Кроме того, это эффективный инструмент в формировании и сохранения культурной идентичности региона.

Список литературы / References

1. Ballantyne D. Sustaining the promise of terroir: The case of the Central Otago Wine Region. Paper presented at the 6th Academy of Wine Business Research Conference, Bordeaux, France, 2011.
2. Chapuis C. *Vineyard Trails: What You Haven't yet been Told about Burgundy wines*. Dijon: Editions de Bourgogne, 2008.
3. de Smet J-P. A study of terroir, presentation at the Central Otago Pinot Celebration, Queenstown, New Zealand, 2008.
4. Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge, 1966.
5. Feagan R. The Place of Food: Mapping Out the 'Local' in Local Food Systems. *Progress in Human Geography*, 2007, vol. 31(1), pp. 23-42. <https://doi.org/10.1177/0309132507073527>
6. Furetière. *Dictionnaire universel* (1st ed.). 3 volumes. The Hague: Arnoud & Reinier Leers, 1690.
7. Gade, Daniel W. Tradition, Territory, and Terroir in French Viniculture: Cassis, France, and Appellation Contrôlée. *Annals of the Association of American Geographers*, 2004, vol. 94, no. 4, pp. 848-867. <http://www.jstor.org/stable/3694101>
8. Gaston Roupnel, *La Bourgogne, Types et Coutumes*, Bien Public, 26 May 1936.
9. Gee H. *Review of The Wine Maker's Dance: Exploring Terroir in the Napa Valley*. Berkley: University of California Press, 2003.
10. Josling T. The War on Terroir: Geographical Indications as a Transatlantic Trade Conflict. *Journal of Agricultural Economics*, 2006, vol. 57, issue 3, pp. 337-363. <https://doi.org/10.1111/j.1477-9552.2006.00075.x>
11. Levi-Strauss C. *Totemism*. Translated by R. Needham. Harmondsworth: Penguin. (1969). *The Raw and the Cooked*. Translated by John and Doreen Weightman. New York: Harper and Row, 1962.
12. Mcgee R., Daniel P. *Talk Dirt to Me*. New York Times, May 6, 2006.
13. Scruton R. The Philosophy of Wine. In *Questions of Taste: The Philosophy of Wine*, edited by Barry C. Smith, pp. 1-20. New York: Oxford University Press, 2007.

14. Trubek A. B. Place Matters. In *The Taste Culture Reader*, edited by Carolyn Korsmeyer, New York: Berg, 2005.
15. Van Leeuwen C., Gerard S. The Concept of Terroir in Viticulture. *Journal of Wine Research*, 2006, vol. 17, no. 1, pp. 1-10. <https://doi.org/10.1080/09571260600633135>
16. Vaudour E. Les terroirs viticoles, Dunod, Paris, 2003.
17. Waverly R. The Food of France. New York: Vintage, 1992.
18. Whalen P. A Merciless Source of Happy Memories: Gaston Roupnel and the Folklore of Burgundian Terroir. *Journal of Folklore Research*, 2007, vol. 44, no. 1, pp. 21-40. <http://www.jstor.org/stable/4640219>
19. James E. Wilson Terroir: The Role of Geology, Climate, and Culture in the Making of French Wines: The Role of Geology, Climate & Culture in the Making of Wine: No. 1 (Wine Wheel S.). 2012.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пугачёва Виктория Олеговна, аспирант кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
просп. Вернадского, 4, г. Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация
kiza.pugacheva@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Victoria O. Pugacheva, postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Design, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
4, Vernadsky Ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation
kiza.pugacheva@gmail.com

Поступила 05.02.2024

После рецензирования 28.02.2024

Принята 04.03.2024

Received 05.02.2024

Revised 28.02.2024

Accepted 04.03.2024

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-226

УДК 130.2:929:78.071.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ НОСТАЛЬГИИ КАК ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ГОРОД ДЕТСТВА: Ф.И. ШАЛЯПИН И КАЗАНЬ

Е.Л. Яковлева

Статья посвящена анализу ностальгии в жизни Ф.И. Шаляпина, что определило новизну работы. С помощью биографического и аналитического методов исследования на основе автобиографической прозы и писем Федора Ивановича, воспоминаний о нем близких людей выявлено, что Казань как город рождения и юности играл для певца роль значимого символа. Федор Иванович ностальгировал по Казани, особенно после эмиграции. Метод исторического моделирования позволил обнаружить амбивалентные черты шаляпинской ностальгии, имевшей для него неоднозначные последствия. В жизни и деятельности певца пересеклись реставрирующая ностальгия, связанная с творчеством, и рефлексивная ностальгия, в контексте которой осознавалась невозвратность прошлого и конечность человеческого бытия. При этом в последние годы жизни артиста (из-за пространственно-временного разрыва с Россией и отсутствия энергичной подпитки) рефлексивная ностальгия с ее пессимистическими настроениями заняла господствующие позиции. У Федора Ивановича стало преобладать трагическое мироощущение, что способствовало его скоропостижной смерти. Ностальгия как вечное возвращение в памяти к страницам казанской жизни свидетельствовала о силе характера артиста, способного заново пережить не только позитивный, но и негативный опыт и использовать его в ситуативности жизни и творчестве. Результаты проведенного исследования способствуют дальнейшему изучению

ностальгии в жизнедеятельности творческих личностей, что позволит выявлять ее особенности в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: Федор Иванович Шаляпин; Казань; Суконная слобода; ностальгия; реставрирующая ностальгия; рефлексирующая ностальгия; Россия; идея вечного возвращения

Для цитирования. Яковлева Е.Л. Амбивалентность ностальгии как вечного возвращения в город детства: Ф.И. Шаляпин и Казань // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 1. С. 34-58. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-226

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE AMBIVALENCE OF NOSTALGIA AS AN ETERNAL RETURN TO THE CITY OF CHILDHOOD: F.I. CHALIAPIN AND KAZAN

E.L. Iakovleva

The article is devoted to the analysis of nostalgia in the life of F.I. Chaliapin, which determined the novelty of the work. With the help of biographical and analytical research methods based on autobiographical prose and letters of Fyodor Ivanovich, memories of his loved ones, it was revealed that Kazan, as the city of birth and youth, played the role of a significant symbol for the singer. Fyodor Ivanovich was nostalgic for Kazan, especially after emigration. The method of historical modeling revealed ambivalent features of Chaliapin's nostalgia, which had ambiguous consequences for him. In the life and work of the singer, restoring nostalgia associated with creativity and reflective nostalgia intersected, in the context of which the irrevocability of the past and the finiteness of human existence were realized. At the same time, in the last years of the artist's life (due to the spatial and temporal gap with Russia and the lack of energy supply), reflective nostalgia with its pessimistic moods took dominant positions. Fyodor Ivanovich's tragic worldview began to prevail, which contributed to his sudden death. Nostalgia, as

an eternal return to the pages of Kazan life in memory, testified to the strength of the artist's character, who was able to relive not only positive but also negative experiences and use them in the situationality of life and creativity. The results of the conducted research contribute to the further study of nostalgia in the life of creative personalities, which will allow us to identify its features in each specific case.

Keywords: *Fyodor Ivanovich Chaliapin; Kazan; Sukonnaya Sloboda; nostalgia; restoring nostalgia; reflecting nostalgia; Russia; idea of eternal return*

For citation. *Iakovleva E.L. The Ambivalence of Nostalgia as an Eternal Return to the City of Childhood: F.I. Chaliapin and Kazan. Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 34-58. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-226*

Введение

Описать *ностальгию* как коллективный и индивидуальный феномен довольно трудно. На данный факт указывают даже те, кто ее ощутил и попытался рефлексировать над сопряженными с нею состояниями. В научно-исследовательской литературе мы не найдем единой трактовки ностальгии как экзистенциально-психологического самочувствия. Исследователь С. Бойм считает, что ностальгия есть тоска по прошедшим временам, оставленной Родине, покинутому или брошенному дому, первоначальному и/или значительному этапу жизни, людям и взаимоотношениям с ними. Л.В. Чеснокова соотносит ностальгию «с тоской по подлинному бытию», «стремлением человека освободиться от собственной неукорененности», а также со «страданием по невозможности возвращения собственной жизни, нереализуемой жаждой удержания преходящего времени» [20, с. 126, 128]. Ностальгия связана с опытом потери. Тоска по Родине становится ярко выраженной после расставания с ней, когда «вехи бывшей отчизны обретают эмоциональную значимость»: «чем сильнее утрата, тем больше сверхусилия по увековечиванию памяти о ней, тем сильнее отдаляется прошлое и тем заметнее оно подвергается идеализации» [3, с. 129, 58].

Прояснить понимание особенностей индивидуальной ностальгии по прошлому и Родине помогает автобиографическая проза творческих людей. И в нашей статье мы обращаемся к личности Федора Ивановича Шаляпина (1873–1938), оставившего после себя довольно большое литературное наследие.

Великий русский певец Ф.И. Шаляпин прошел сложный путь к вершинам своей славы. Но в его памяти навсегда остались образы далекого прошлого, в том числе связанные с городом рождения и юности. Об этом свидетельствует тот факт, что в его воспоминаниях довольно часто фигурировала Казань. Именно ее он упоминал в автобиографической литературе, интервью, общении с друзьями и родственниками. Подобное неслучайно: Казань была дорога его сердцу. Так, Е.П. Пешкова подчеркивала, что Федор Иванович «любил Россию, любил Волгу, Казань – лучший из городов, – как он говорил» [4, с. 164]. В письме к М. Горькому от 1928 г., характеризуя Казань, певец писал: «как перед глазами вырос в памяти моей этот прекраснейший (для меня, конечно) из всех городов мира – город» [5, с. 167]. На данный факт указывают и дети артиста. Возможно, сам певец в полном объеме не осознавал судьбоносности города своего рождения [23] и испытываемой по нему ностальгии.

Цель исследования: выявить специфику ностальгических настроений великого русского баса Федора Ивановича Шаляпина о городе Казани как месте рождения и юности.

Материалы и методы

Методами исследования избраны биографический и аналитический, а также метод исторического моделирования (ретроспективный). Благодаря им реконструируется индивидуальное «восприятие города как части культурной среды» [11, с. 53], влиявшее на процесс самопознания и саморефлексии творческой личности и определявшее ход ее жизнедеятельности. Исходя из позиции, что город для каждого жителя «представляет собой среду, как для проживания, так и социальных взаимодействий, формирования идентичностей и культурных выражений» [11, с. 51], выявим особенности ностальгии

по Казани в жизни Ф.И. Шаляпина.

Результаты и обсуждение

Певец родился в *Казани*, и многие эпизоды его детства и юности были связаны с *Суконной слободой* [23]. Своим появлением слобода обязана Петру I, озаботившимся обеспечением армии сукном. Слобода группировалась вокруг суконной фабрики (шерстяной мануфактуры) на Шарной горе (1714-1881). Работали на мануфактуре крестьяне, осужденные за проступки. Именно они и стали первыми жителями слободы. В 1796 г. Суконная слобода по количеству дворов (насчитывалось 628) была самой большой. Ее жители составляли примерно 25,5% от населения Казани. По социальному составу население Суконной слободы уже к началу XIX века стало неоднородным. В 1849 г. население Суконной слободы вошло в состав городского сословия, получив статус казанских мещан. В Метрической книге церкви Сошествия святого Духа в 1879 г. можно найти следующие сведения социального происхождения родителей новорожденных детей в Суконной слободе: 56% – мещане, 28% – крестьяне, 16% – мелкие чиновники, цеховые ремесленники, унтер-офицеры. Контингент слободы отличался *свободолюбием*, что способствовало различным столкновениям, в том числе с хозяевами фабрики и представителями власти. Юный Шаляпин, самостоятельно изучая городские пространства, сначала неосознанно, а позже осознанно впитал в себя дух свободы. Погруженность до 1922 года в русскую социально-историческую среду, в водоворот ее событий, связанных с коренной ломкой всей государственно-политической системы и устройства общества, способствовали проявлениям у певца определенной доли оппозиционности и бунтарства, характерных для выходцев из казанской Суконной слободы. Федор Иванович отличался *свободолюбием*, что наиболее ярко проявилось в его бунте против господствовавших на оперной сцене канонов и формировании собственной манеры исполнительства.

Казань и ее Суконная слобода в период детства и юности Федора Ивановича представляли собой колоритное и довольно противоречи-

вое пространство. В конце XIX века Суконная слобода не отличалась от других казанских слобод: в ней царили нужда, низкий уровень культуры, безграмотность, пьянство с неприглядным выяснением отношений. Как вспоминал артист, «среда казанской Суконной слободы... была особенно грубой» [21, с. 233]. Контрастом к малопривлекательной повседневности выступали народные праздники, в которых с удовольствием принимал участие юный Шаляпин. Мальчик водил хороводы, пел русские народные песни. Противоречивость среды и человеческих проявлений в ней были восприняты будущим артистом. В своем письме М. Горькому от 1928 г. он признавался, жизнь в Казани была разнообразной: «счастье и несчастье, будни и масленицы» и... Казанский театр, при воспоминании которого Шаляпин «чуть не заплакал, остановив воображение» [5, с. 167].

Город выступает в качестве «своеобразного чувственно-воспринимаемого контекста бытия человека, представленного в форме неких индивидуальных «кристаллов» восприятия, единичных элементов понимания», что «приводит к переосмыслению того, в каком отношении человек находится с окружающей действительностью» [4, с. 18, 19]. Первоначальное восприятие Казани как города рождения и юности у Федора Ивановича было по-детски непосредственным и поверхностным. Позже к эмоциональному переживанию казанских пространств и связанных с ними ситуаций и событий, в круговороте которых оказывался мальчик, добавилось рациональное осмысление места и полученного в нем опыта. По прошествии значительного времени Шаляпин идеализировал Казань. В воспоминаниях Федора Ивановича, написанных через довольно большой промежуток времени после отъезда из Казани, облагорожен тон его эмоций, переживаний и чувств, вызванных городской средой. Многие казанские события были перемешанными между собой. Несмотря на тяготы жизни семьи, Шаляпин был вдохновлен сценами казанской повседневной жизни, праздничной культурой, колоритными характерами и образами жителей, типичными звуками и запахами Суконной слободы, пронеся память о них через всю жизнь и испытывая тоску по прошлому.

Пытаясь понять природу ностальгических настроений Ф.И. Шаляпина о городе рождения и юности, необходимо ответить на вопрос: что было особо значимым в казанский период жизни? Отвечая на него, выделим следующие моменты.

Именно в Казани юный Федор Иванович познакомился с балаганом, драматическим, опереточным и оперным театром, что помогало временно забыть о неприглядных сторонах жизни и способствовало формированию творческих навыков, определивших шаляпинскую жизнь. Увиденные в детстве и ранней юности в Суконной слободе колоритные фигуры жителей были перенесены Шаляпиным в работу над ролью, способствуя передаче различных психологических состояний. Певец подчеркивал: «необходимые, повседневные, реальные поступки нашей Суконной слободы, могут быть претворены в прекрасные действия» [21, с. 234], имея в виду свое сценическое творчество.

Казань стала началом вокальной и сценической карьеры певца. Юный Шаляпин пел во многих церковных приходах, в том числе в церкви Сошествия Святого Духа, Петропавловском и Воскресенском соборах. В Казанском театре «Шаляпин первый раз вышел на сцену статистом, впервые выступил хористом и в сольной партии в опере, стал профессиональным артистом; здесь, благодаря таким замечательным руководителям театра, способным к самопожертвованию, как П.М. Медведев, А.А. Орлов-Соколовский, В.Б. Серебряков, он сделал первые шаги к постижению высшей правды сценического образа» [5, с. 167]. В казанском Панаевском саду Федор Иванович пересмотрел и прослушал весь современный драматический и опереточный репертуар. Работая в Казанской уездной земской управе, Шаляпин в 1889 году был взят штатным актером в антрепризу В.Б. Серебрякова, где в зимний сезон 1889-1890 гг. ставились драматические произведения. Весной 1890 г. Ф.И. Шаляпин исполнил партию Зарецкого в «Евгении Онегине» П.И. Чайковского, что считается «первым сольным выступлением в опере» певца [5, с. 99].

В целом, новизна городских пространств и их освоение, свобода в передвижениях и проявлениях, малая зависимость от культурных

условностей общества, изучение своего Я и восторг от открытия новых возможностей, интенсивное встраивание в жизнь, увлечение творчеством, характерные для детства и юношества беззаботность, непосредственность и быстрое забывание негативного, мечты о лучшем будущем, способствуя эмоциональному и интеллектуальному развитию, оставили яркий след в памяти Ф.И. Шаляпина и способствовали ностальгированию по казанскому прошлому.

В 1890 г. семья Шаляпиных покинула Казань в поисках лучших условий жизни. Но Федор Иванович неоднократно возвращался в город (в 1891, 1892, 1897, 1899, 1909, 1912, 1916-м гг.). Целью последних поездок в Казань была потребность «восстановить в памяти годы детства и юности, записать необходимые сведения для задуманной им автобиографии» [5, с. 132]. В результате сбора данных о городе детства и юности и их фиксации на страницах автобиографической прозы «происходит своеобразная трансформация *географического места в место гения*» [23]. Творец словно окружает памятное место особой оболочкой – аурой, что позволяет ему возвращаться в своей памяти в прошлое, длить полученные впечатления, ностальгировать и размышлять в контексте избранного пространства о собственном опыте. «Конкретная пространственность гения конституирует его как экзистенциальное», благодаря чему «место становится сферичным, открытым и закрытым одновременно, формирующим свои пространственные законы и свою приватную воображаемую географию» [7]. Воспоминания о городе позволяют схватить «экзистенциальное «ускользание» какого-то более важного, более глубокого образа» [7], являющегося значимым для художника, что помогает ему прояснить логос бытия и собственного существования. Шаляпин и образ города его рождения и юности, воспроизводимый в памяти, рождают *склеенный ландшафт* как «единое пространство амбивалентных, противоречивых, полуразрывных образов» [8]. Федор Иванович сохранил в памяти субъективный образ города, воспринятый им в детстве и юности. Но данное представление в реальности стало небытийным в силу разного рода временных изменений городского пространства. Он

«воссоздавал в памяти Суконную слободу в том виде, в котором она уже не существовала» [23]. Тем не менее, для него это было сакральное пространство, по которому он любил ностальгировать.

«Нет родины без ее утраты»: только «вдали от родного дома, родины острее чувствуется их ценность» [20, с. 127]. Именно дистанцирование от родины (во времени и пространстве) становится истоком ностальгии. Отметим, тоска по Казани и России дала о себе знать уже в период первых зарубежных поездок и гастрольных туров баса. Ненадолго выезжая за границу, певец мечтал о скорейшем возвращении на родину. Не хватало Шаляпина России. Так, отдыхая в Швейцарии, он признавался в письмах А.М. Горькому, что и пейзажи здесь как из папье-маше, и люди спокойные и услужливые. Все вызывает скуку и желание увидеть свое, родное, русское. Швейцария заставила вспомнить певца Казань, где «места с пригорками названы «русской и немецкой Швейцарией»» (письмо Ф.И. Шаляпина А.М. Горькому от первой половины августа 1911 года) [17, с. 339].

Ностальгическими настроениями по родному городу Шаляпин был захвачен в зрелые годы и особенно в период эмиграции (с 1922 г.). Федор Иванович признавался: «Суконную слободу мы всюду возим с собою», а некоторые эпизоды жизни «немножко напоминали мне (Шаляпину – *примеч. авт.*) Суконную слободу» [22, с. 198, 138]. Певец, уехавший из Казани в 1890 г., был энергично связан с местом своего рождения: любимый топоним «имеет определенную силу, некое притяжение» [20, с. 127]. Многие жизненные ситуации заставляли его (вновь и вновь) вспоминать казанский ландшафт. Так, в письме к дочери Ирине Федоровне от 25 мая 1934 года из Каунаса, где проходили гастроли, Федор Иванович напишет о чувствах, которые вызвал город и прогулки по нему. Перед ним вновь всплыл образ города детства: «Я в России!!!... Захожу в переулки. Старые дома деревянные, железные крыши, калитка, а на дворе булыжник, и по нем травка. Ну, так, как бывало у нас в Суконной слободе» [17, с. 538].

Подчеркнем, отъезд из России как экзистенциальный поворот в судьбе тяжело дался артисту. Он понимал невозможность жить в

советских реалиях, где его контролировали, заставляли выступать на мероприятиях с политической окраской, нередко шантажировали. Но при этом долгое время Федор Иванович не мог решиться на разрыв с родиной, оказавшимся для него трагическим шагом. Мучительная дилемма *бежать – остаться* вводила певца в отчаяние и беспокойство. Он не мог примириться с мыслью о разлуке с Россией, где он «сковал себе не только то, что можно видеть и осязать, слышать и обонять, но и где... мечтал мечты» [21, с. 372]. Шаляпин любил Россию, но испытывал неприязнь к новому укладу жизни. Особую роль в принятии решения об отъезде сыграла его вторая жена Мария Валентиновна Петцольд, постоянно *нашептывающая* о необходимости бежать из России. Ее не устраивал расстроенный революционными преобразованиями быт, нарушенная стабильность положения Федора Ивановича при советской власти. Ставку в манипуляции артистом женщина сделала на его благополучие. Шаляпин опасался за свою сценическую карьеру, что заставило его пойти на крайние меры и принять трудное решение. Сыграла свою роль и русская ментальность, для которой характерно определенное идолопоклонство перед Европой. Впоследствии певец, подпытывавшийся и творивший благодаря глубинным связям с родиной, ощутит негативность последствий принятого шага. Вынужденный переезд в Европу сделал русского певца оторванным от своих корней географическим расстоянием и социокультурной дистанцией. Переживание разрыва с Россией тяготило певца и придавало драматические ноты его жизни. «Шаляпин без российских просторов, рек и лесов, без пушистого снега и без всего, что вмещается в понятие Родина, – это поистине великая мука» (А. Попов) [18, с. 426]. С этой душевной болью он прожил до конца жизни.

Пространственно-временной разрыв с Родиной и Казанью заставлял Федора Ивановича постоянно возвращаться в памяти к родным местам и с ужасом осознавать: «все это далеко-далеко и бог знает когда увижу» [17, с. 520]. Данная экзистенциальная ситуация носила травмирующий характер, делая великого артиста напряженным, подавленным, недовольным. При этом певец всегда избегал

разговоров о ностальгии. Шаляпин отрицал факт тоски по России и даже стеснялся его, объясняя ситуацию скитальческим (гастрольным) образом жизни. Возможно, ностальгия была болезненным для него состоянием, затрагивающим струны души. Как резюмирует С. Бойм, «ностальгия – это боль, связанная со смещением во времени и пространстве», в объятиях которой личность осуществляет свой *роман с прошлым* или *роман с собственной фантазией* [3, с. 110].

Эмоциональный фон, обусловленный воспоминаниями о прошлом, обладает довольно широким диапазоном субъективных проявлений, включающих противоречивые чувства: любовь и ненависть, радость и печаль, счастье и уныние, мечтания и безысходность, утешение и истязания небытийностью/забвением. Мысли о России и Казани «разнообразные и беспорядочные, в разные цвета окрашенные» вызывали у Шаляпина гордость, радость, сожаление, грусть, желание «петь и плакать в одно и то же время» [21, с. 224]. Своему другу художнику К.А. Коровину Федор Иванович в эмиграции с горечью признавался: веселой жизни, как в России, «не будет уже никогда» [18, с. 150]. Перечисленное доставляло Шаляпину *дискомфорт: испытывая потребность вернуться в прошлое и в Россию, он понимал невозможность возврата*.

В зависимости от ситуативности жизни индивид может не только (ненадолго/навсегда) вернуться на Родину, но и постоянно откладывать поездку, находя для этого причины. Именно второй вариант обнаруживается в судьбе Ф.И. Шаляпина. Всей своей мятущейся душой певец рвался на родину, мечтал вернуться. Своими мыслями Шаляпин «несся назад, в прошлое, к ... милой родине» [21, с. 423]. Но его вторая жена Мария Валентиновна Петцольд ничего не хотела слышать о возвращении в Россию, неприязненно относясь к подобным разговорам. Более того, она сыграла на шаляпинских страхах: возможности оказаться в новой России несвободным и всеми забытым, влачащим бедное существование. Неслучайно в письмах дочери Ирине Федоровне певец признавался, что необходимо много работать, чтобы деньги были на черный день и *будущее предсмертное увядание* (Ф.И. Шаляпин). Как считают многие из окружения

Федора Ивановича, в силу властного характера М.В. Петцольд артист не приехал на родину и умер на чужбине. Шаляпинская дочь Ирина Федоровна, намекая на вторую жену отца, напишет: «окружающие, действуя в личных интересах, всячески старались воспрепятствовать его возвращению» [18, с. 24].

Если личность не возвращается в любимые пространства, то выхода из мучительного состояния ностальгических переживаний не существует. С щемящими чувствованиями необходимо смириться, принимая их в качестве неизбежности, и пережи(ва)ть их (в эмоциях, поездках по миру, снах, мечтах, творчестве).

Пытаясь уменьшить силу ностальгических настроений, певец старался быть в курсе событий, происходящих на родине. До конца жизни он не потерял интереса к России: покупал газеты на русском языке для эмигрантов, слушал советское радио, читал романы советских писателей, смотрел кинофильмы советских режиссеров. Так, за год до смерти певец восхищался просмотренным кинофильмом «Петр I» по одноименному роману А. Толстого (режиссер Владимир Петров, 1937).

Еще одним способом, помогающим снизить подавляющие пессимистические состояния, стало общение с близкими по духу людьми (как правило, выходцами из России). Дело в том, что «в русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры» [2, с. 98]. Русский человек рождает культуру из себя, из глубины своей души, постоянно подпитываясь энергией родины. Несмотря на пространственный разрыв с Россией, у Шаляпина остались русские корни, русское искусство, русские связи и друзья. Они оказались той энергичной подпиткой, которая определенное время поддерживала Федора Ивановича. В общении с русскими одной из главных тем была Россия и воспоминания о ней.

Необходимо признать, воспоминания певца о России были довольно часто связаны с Казанью и Суконной слободой, из которых он когда-то вырвался, начав свои скитания. В своей памяти артист вновь и вновь возвращался к значимым для него пространственным

меткам. Федор Иванович признавался: «грущу о неповторимом тоне часто нелепого уклада наших Суконных слобод», «где все же между трупоб растет сирень, цветут яблони и мальчишки гоняют голубей...» [21, с. 423]. Это были светлые воспоминания (нередко о мрачных сторонах жизни) умудренного драматическим экзистенциальным опытом человека.

Анализируя ностальгию, С. Бойм различает два ее вида – реставрирующую и рефлекслирующую. Так, *реставрирующая ностальгия* помогает «восстановить утраченный дом и заполнить пробелы в памяти», реконструировать символы родины (особенно в творческой деятельности и искусстве), посредством которых возможно мысленное возвращение к истокам [3, с. 103]. В свою очередь *рефлекслирующая ностальгия* помогает припомнить прошлое, воссоздать в мемуарах и нарративах, идеализируя его [3, с. 103] (и понимая со временем трагедийность невозвращения).

Оба вида (реставрирующей и *рефлекслирующей*) ностальгии пересеклись в судьбе Федора Ивановича Шаляпина. В своей памяти Федор Иванович сохранил эпизоды из русской (и казанской) жизни, которыми любил делиться в кругу семьи и друзей. Певец позиционировал себя как представитель русской музыкальной культуры и продолжатель ее лучших традиций. В его репертуаре до конца жизни были произведения русских композиторов, их оперы и романсы, что спасало от ностальгических настроений и безысходной тоски по родине. Выступая с русским репертуаром, Шаляпин мысленно возвращался в Россию. Но в беседе с сыном Борисом Федоровичем артист с горечью признавался: «петь по-русски, когда вокруг не знают языка, невыносимо трудно»; «трудно, когда тебя не понимают» [14, с. 115].

Купив в середине 20-х годов XX века участок земли в Сен-Жан-де-Люз (на юго-западе Франции), Федор Иванович воссоздал в нем уголок России, выбрав место с лесом и речкой, где можно было бы ловить рыбу, к чему он пристрастился еще в Казани. Шаляпин любил в цветущем саду выпить кофе, а в минуты щемящей тоски по родине читал произведения любимого А.С. Пушкина. Перед его

взором всплывали картины из русской жизни, русские пейзажи с запахами сосен и березок. Он вдохновенно цитировал строчки из пушкинского «Евгения Онегина»:

*Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой [15].*

Постоянные воспоминания о России и Казани позволяют провести параллель с ницшеанской *идеей вечного возвращения*. В своем сознании Шаляпин словно хотел повернуть время вспять и повторить избранные события прошлого, прожив их вновь, но на новом витке собственного развития. Данные воспоминания демонстрировали шаляпинский способ существования в бытии, обнажая (не)явно ценность прожитого, обладающего значимым смыслом, и желание вновь погрузиться в него. Как писал Ф. Ницше, «нужно хотеть исчезнуть, чтобы снова возникнуть – перейти из одного дня в другой», «и в конце концов – снова пожелать пройти все это» [13, с. 181]. При этом возврат к прошлому никогда не повторял в деталях прожитое, внося в него мысленные коррективы и даже идеализируя его. Возвращается *подобное*, но не тождественное. Здесь мы встречаем *повторение с вариативностью* или *возвращение различного*. В этом отношении Ф. Ницше соединил вместе философские проблемы становления и ценностей, утверждая, «все становится и вечно возвращается – ускользнуть невозможно» [13, с. 549]. Вновь переживая

экзистенциальные эпизоды, личность оказывается не тождественной себе. Как справедливо заметил Ж. Делез, «оказавшись перед лицом повторений... в нас самих, мы не перестаем извлекать из них небольшие различия, варианты и модификации» [6, с. 9].

Вечное возвращение к прошлому свидетельствует о силе характера Федора Ивановича, адекватно воспринимающего жизнь и имеющего решимость вновь пережить ее радости/печали/тяготы, используя опыт прошлого в настоящем и будущем, в том числе в творческом процессе. Но постоянное возвращение к прошлому показывает и свою противоположную сторону, связанную с трагедийностью существования, невозможностью властвовать в бытии, отсутствием смысла жизни, усталостью от себя и неосуществимостью желания вырваться из этого круга. Вечное возвращение оборачивается *величайшей тяжестью* (Ф. Ницше), которую человек обречен нести.

В период эмиграции Федор Иванович во всей полноте ощутил тяжесть воспоминаний. Его ностальгические настроения стали заявлять о себе по нарастающей, что делало артиста удрученным и депрессивным. Шаляпинская тоска «иногда... достигала большей остроты и напряженности, иногда ослаблялась», сопровождаясь «чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [1, с. 69]. Испытываемые чувства делали певца несчастным. Отсутствие поездок в Россию привело к истощению ее энергичной силы воздействия. Певец «скупал о простом, родном сеновале, где так незаменимо попахивает сеном и русскими лошадаками», осознавая, что «вероятно, надолго, если не навсегда, приходится расстаться с этими милыми запахами, которые вдыхались в течение всей жизни полной и свободной грудью...» (из письма Ф. И. Шаляпина А. М. Горькому от 16 сентября 1925 года) [17, с. 356].

В эмиграции Федор Иванович никогда не расставался с мыслью о реальном возвращении в Россию. Хотя на родине великого баса обвиняли в низменных моральных качествах, предпочтениях сытому благополучию, он тосковал по отечеству. Даже искаженные интерпретации личности певца в советской прессе и драматический разрыв с Горьким не умилили пыла Шаляпина по отношению

к России. Возможно, горечь от осознания ситуации приглушали слова шаляпинского персонаж Сальери (опера Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери»): «Нет правды на земле. Но правды нет и выше...».

В эмиграции Шаляпин довольно часто задавался вопросом: почему он не в России? И не мог честно ответить на него, мечтая вернуться в отечество. В письмах к дочери Ирине Федоровне он признавался в своей любви к России до конца жизни. Как вспоминала она, «каждый год вдали от родины был наполнен глубокими и тяжелыми переживаниями, иногда настоящей тоской» [14, с. 31]. Известно, что под конец жизни Федор Иванович часто гастролировал в странах, граничных с Россией. Перед самой своей кончиной, как вспоминала дочь Марфа Федоровна, Шаляпин «больше всего тосковал о днях своего детства, полного нищеты и лишений», понимая, что подобные воспоминания – знак приближающейся смерти [14, с. 179]. Он даже собрался в 1937 году вернуться в Россию. Возможно, Федор Иванович интуитивно предчувствовал смерть, на что указывали и его состояния отчаяния и ощущения трагического раскола [24]. Певец, утратив свою энергичную подпитку, связанную с бытийствованием в России (и Казани), оказался потерянным в жизни.

Тоска сигнализировала о неприятии певцом сложившегося положения дел. Шаляпинская настроенность на жизнь в эмиграции стала мрачной, исчез русский кураж и широта души. Экзистенциальный трагический опыт, обусловленный разрывом с родным пространством, отразился на характере и внешности певца. Данный факт подчеркивали все, кто знал артиста и помнил, каким он был в России. Его друг К.А. Коровин отметил, что он «никогда не видал Шаляпина и в России в столь мрачном настроении»: «что-то непонятное было в его душе», «он так не сочетался с обстановкой, роскошью, которой был окружен» [18, с. 148]. Федор Иванович стал походить в последние годы жизни на некоторых своих оперных персонажей: «был гневен, как Грозный, разгулен, как Галицкий, и трагичен, как Борис» [18, с. 150]. Увидевший Шаляпина в Париже писатель Л. Никулин отметил, у баса «исчезли мягкие, округлые

черты лица, исчез задорный, лукавый взгляд в упор», «взгляд стал каким-то тревожным, тяжелым, настороженным, седые насупившиеся брови придавали суровое, мрачное выражение лицу», «он сильно похудел, казался еще выше, исчезла пропорциональность в сложении, которая так восхищала на сцене», «резкие, глубокие морщины легли у ноздрей» [18, с. 438].

Обратим внимание и на раннюю смерть Федора Ивановича Шаляпина в возрасте 65 лет. Одной из ее причин можно назвать настроения, вызванные рефлексирующей ностальгией: на психосоматическом уровне они способствовала лейкозу. Ностальгия как травмирующая ситуация и недовольство средой обитания инициировали развитие раковых клеток. Рак «указывает на сильнейшее неравновесие между индивидом и средой» [16, с. 360]: «перегруженный организм теряет контроль», насаждаясь *чуждыми клетками-мутантами*, а их рост «становится злокачественным» [16, с. 361]. Признание драматичности и даже трагичности собственной жизни осуществилось на сознательном и бессознательном, рациональном и эмоциональном, душевном и телесном уровнях. В итоге произошло «нарушение динамики физиологических процессов (баланса возбуждения и торможения) на уровне коры головного мозга» [11], вызвав смертельное заболевание.

Как отметила дочь Ирина Федоровна, Шаляпин в конце жизни «все более глубоко страдал вдали от родины»: «он понял всю трагедию своей жизни, осознал свою ошибку, но... поздно», «он был уже на пороге смерти» [18, с. 80]. Незадолго до финала своей жизни Федор Иванович интуитивно ощутил близость смерти. Во время своих последних встреч с К.А. Коровиным он расспрашивал о том, кто из их общих знакомых умер. Ему было страшно *от незнания людей о смерти*. Шаляпин считал странной собственной иллюзией о том, что смерть не коснется его. К последней жизненной черте русский певец подошел опустошенным. На пороге смерти певец вопрошал: «За что я должен так страдать?». Необходимо признать, что смертельно больной Шаляпин испытывал не только физические, но и духовные страдания, обусловленные ностальгическим настроением. Умер Федор Иванович глубоко несчастным человеком. Данным фактом объясняется выбор место захоронения

великого певца – *кладбище Батиньоль*, где он хотел затеряться и навсегда быть оставленным в покое. Дело в том, что более популярными у русской эмиграции были кладбища Сент-Женевьев-де-Буа или Пер-Лашез. Как сообщает Г. Гуляницкая, на кладбище Батиньоль указал сам Ф.И. Шаляпин, выбрав себе место захоронения. Но истинных мотивов подобного выбора никто не знал. Незадолго до смерти Шаляпин понял, что его мечта быть похороненным в России на Волге (возможно, в Казани) не исполнима. Он устал от жизни вдали от родины, был истощен ностальгическими настроениями и болезнью, мечтал о собственном небытии. Об этом он пел и в бетховенском романсе «Под камнем могильным...» (на стихи Дж. Карпани):

*О, дай под камнем могильным
мне уснуть вечным сном!*

*Нет для меня уж возврата,
забудь же о былом!*

*Но нет в могиле покоя,
Смерть мне его не дала.*

*Зачем своей мольбой терзаешь,
Мучишь ты меня?*

*О, сжался и дай под камнем могильным
Мне уснуть вечным сном;
нет для меня уж возврата,
забудь же о былом!*

О, сжался! [9].

Кладбище Батиньоль отличается «геометрической четкостью его планировки»: «могилы образуют каре, прямоугольники по сорок... черных мраморных плит в каждом каре. Каре называются эскадронами. Эскадроны пронумерованы, как и каждая могила внутри эскадрона. Только по номеру и можно отыскать нужную тебе могилу» [19, с. 245]. Но и среди номеров можно блуждать долго без помощника. Сама надгробная плита не имеет ничего выдающегося, поэтому Шаляпин оказался затерянным среди огромнейшего количества умерших. Мечта Шаляпина быть похороненным в России, на берегу Волги в сосновом гробу умерла вместе с ним, но осталась в

строчках написанной им песни (письмо дочери Ирине Федоровне от 4 мая 1923 года из Лос-Анджелеса):

*Эх вы, песни, мои песни!
Вы родились в сердце, песни,
Вы облились моей кровью,
И пою я вас с любовью
Всему миру, песни –
мои песни!...*

*Если смерть придет, то знайте!
Вы меня не покидайте!
Вместе с звоном колокольным
Вы неситесь вихрем вольным
По полям и по сугробам
За моим сосновым гробом
На мою могилу, песни!
Мои песни!*

*Эй, эй, вы песни, песни-птицы!
Рассказы-небылицы!
Летайте соловьями,
а я с вами [10].*

Заключение

Ностальгия (в большей/меньшей степени) присуща человеку, но у каждого – свой модус ностальгических настроений и их выражения. Наибольший интерес представляет тоска по прошлому и родине талантливых индивидов, демонстрировавших собственные переживания и мысли в автобиографической прозе, эпистолярном наследии и творчестве. К числу таких людей можно отнести русского певца Федора Ивановича Шаляпина. В зрелые годы своей жизни артист испытывал ностальгию, усилившуюся после его эмиграции. Именно ностальгия позволила выявить особый топос, к которому чувствовал певец свою принадлежность. В основе ностальгических настроений Федора Ивановича лежали воспоминания о России и Казани как городе рождения и юности. Постоянно возвращение в воспоминаниях к эпизодам

из казанского детства и юности свидетельствует об их ценности. В ностальгических воспоминаниях Федора Ивановича Казань стала точкой вечного возвращения: в ней пересеклись пространственная и временная координаты, вмещающие в себя экзистенциальный опыт. Детско-юношеские впечатления о городском пространстве и рефлексия о них в контексте практической деятельности и ситуативности жизни стали основанием не только для последующего экзистенциального опыта, но и для творческих исканий Шаляпина на оперной сцене: казанская повседневность приобрела художественный модус. В воспоминаниях Федора Ивановича Казань трансформировалась в субъективный идеальный конструктор. Ностальгические настроения Ф.И. Шаляпина как вечное возвращение в памяти эпизодов прошлого первоначально обладали рефлексивным и реставрирующим модусом. Но постепенно из-за разрыва с Россией и отсутствия энергичной подпитки пространством реставрирующая ностальгия, дарившая позитивную палитру эмоций, сдала свои позиции. Шаляпин осознал опыт потери ценного, связанный с пространственно-временным разрывом и невозможностью вернуться в прошлое с его любимым городским пространством. На первый план вышла рефлексивная ностальгия, в которой стали преобладать пессимистические ноты (о бренности бытия), что привело к трагедии – ранней смерти великого русского баса. Перечисленное свидетельствует об амбивалентности ностальгических настроений в экзистенциальном опыте Федора Ивановича Шаляпина. Проведенный анализ открывает перспективу дальнейших исследований проблемы ностальгии и ее влияния на жизнь и деятельность творческих личностей.

Список литературы

1. Бердяев Н. Самопознание. М.: Эксмо, 2021. 544 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. М.: АСТ, 2010. 333 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
4. Борщов А.С., Довгаленко Н.В., Ромащенко А.А., Ромащенко М.А. Ностальгия как экзистенциал в фокусе проблемы самосознания

- человека и философии города // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017. № 5. С. 15-22. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-15-22>
5. Гольцман С.В. Ф.И. Шаляпин в Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 192 с.
 6. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
 7. Замятин Д.Н. Гений и место: в поисках сокровенных пространств // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2011. С. 37-52. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372/#> (дата обращения: 10.03.2024).
 8. Замятин Д.Н. Гений и место: Иннокентий Анненский в поисках сокровенных пространств // Вопросы литературы. 2016. № 1. URL: <https://voplit.ru/article/genij-i-mesto-innokentij-annenskij-v-poiskah-sokrovennyh-prostranstv/> (дата обращения: 10.03.2024).
 9. Карпани Дж. Под камнем могильным. URL: [http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20\(82\).pdf](http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20(82).pdf) (дата обращения: 10.03.2024).
 10. Кириленко К.Н., Коробова Н.А. Судьба архива Ф.И. Шаляпина // Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ СССР. Выпуск 7. М.: «Советская Россия», 1990. URL: http://az.lib.ru/s/shaljapin_f_i/text_0020.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
 11. Кулян-Козионова М.Э., Лешкова О.В., Щекина Е.Г. Город и его образ: дискурсы теоретического осмысления // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 4. С. 42-61. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2023-4-42-61>
 12. Мустафокулова Н. И., Ганиева М. П., Ахунова Н. Т., Боронов Дж. Б. Особенности психосоматических проявлений при остром миелобластном лейкозе // Вестник ИПО в СЗ РТ. 2015. № 2. URL: <http://www.vestnik-ipovszrt.tj/?p=2055> (дата обращения: 10.03.2024).
 13. Ницше Ф. Черновики и наброски 1882–1884 // Ф. Ницше. Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Культурная революция, 2010. Т. 10. 640 с.
 14. Пономаренко Ю. Дорогой папочка! Ф.И. Шаляпин и его дети. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2021. 288 с.

15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения: 10.03.2024).
16. Скэрдеруд Ф. Беспокойство. Путешествие в себя. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2003. 480 с.
17. Федор Иванович Шаляпин. Письма // Федор Иванович Шаляпин. Т. 1: Литературное наследство. Письма. М.: Искусство, 1976. С. 321-618.
18. Федор Иванович Шаляпин. Т. 2. Воспоминания о Ф.И. Шаляпине. М.: Искусство, 1977. 600 с.
19. Федор Иванович Шаляпин. Т. 3. Статьи и высказывания. М.: Искусство, 1979. 392 с.
20. Чеснокова Л.В. Философские смыслы ностальгии как тоски по родному дому // Альманах современной науки и образования. 2016. № 1 (103). С. 126-129.
21. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах // Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М.: Кн. палата, 1990. С. 222–431.
22. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни // Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М.: Кн. Палата, 1990. С. 25–221.
23. Яковлева Е.Л. Казанская Суконная слобода и Федор Иванович Шаляпин. К 150-летию со дня рождения русского баса // Музыка и время. 2023. № 11. С. 11-19. <https://doi.org/10.25791/music.11.2023.1260>
24. Яковлева Е.Л. Расколотость души Ф.И. Шаляпина как ключ к гениальности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 2(43). С. 153-157. https://doi.org/.57145/27128474_2023_12_02_32

References

1. Berdyaev N. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: Eksmo, 2021, 544 p.
2. Berdyaev N. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: AST, 2010, 333 p.
3. *Boym S. Budushhee nostalg'ii* [The future of nostalgia]. Moscow: New Literary Review, 2021, 680 p.

4. Borshhov A.S., Dovgalenko N.V., Romashhenko A.A., Romashhenko M.A. Nostal'gija kak jekzistencial v fokuse problemy samosoznanija cheloveka i filosofii goroda [Nostalgia as an existential in the focus of the problem of human self-awareness and the philosophy of the city]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*, 2017, no. 5, pp. 15-22. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-15-22>
5. Gol'cman S.V. F.I. *Shalyapin v Kazani* [F.I. Chaliapin in Kazan]. Kazan: Tatar Publishing House, 1986, 192 p.
6. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Distinction and repetition]. St. Petersburg: LLP TC "Petropolis", 1998, 384 p.
7. Zamyatin D.N. Genij i mesto: v poiskah sokrovennyh prostranstv [Genius and Place: in Search of Hidden Spaces]. *Literature of the Urals: History and Modernity*. Yekaterinburg, 2011, pp. 37-52. <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372/#> (accessed 10.03.2024)
8. Zamjatin D.N. Genij i mesto: Innokentij Annenskij v poiskah sokrovennyh prostranstv [Genius and Place: Innokenty Annensky in search of hidden Spaces]. *Voprosy literary*, 2016, no. 1. <https://voplit.ru/article/genij-i-mesto-innokentij-annenskij-v-poiskah-sokrovennyh-prostranstv/> (accessed 10.03.2024)
9. Karpani Dzh. *Pod kamnem mogil'nym* [Under the gravestone]. [http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20\(82\).pdf](http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20(82).pdf) (accessed 10.03.2024)
10. Kirilenko K.N., Korobova N.A. *Sud'ba arhiva F.I. Shaljapina* [The fate of the F.I. Chaliapin archive]. *Meetings with the past. Collection of materials TsGALI USSR*. Issue 7. Moscow: "Soviet Russia", 1990. http://az.lib.ru/s/shaljapin_f_i/text_0020.shtml (accessed 10.03.2024).
11. Kuljan-Kozionova M.Je., Leshkova O.V., Shhekina E.G. Gorod i ego obraz: diskursy teoreticheskogo osmyslenija [The City and its image: discourses of theoretical understanding]. *Russian Studies in Culture and Society*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 42-61. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2023-4-42-61>
12. Mustafakulova N. I., Ganieva M. P., Akhunova N. T., Baranov J. B. Osobennosti psihosomaticheskikh projavlenij pri ostrom mieloblastnom

- lejkoze [Features of psychosomatic manifestations in acute myeloblastic leukemia]. *Vestnik IPO v SZ RT*, 2015, no. 2. <http://www.vestnik-ipovsrt.tj/?p=2055> (accessed 10.03.2024)
13. Nicshe F. Chernoviki i nabroski 1882–1884 [Drafts and sketches 1882–1884]. *F. Nietzsche. Complete Works in 13 vols.* Moscow: Cultural Revolution, 2010, vol. 10, 640 p.
14. Ponomarenko Ju. *Dorogoj papochka! F.I. Shaljapin i ego deti* [Dear Daddy! F.I. Chaliapin and his children]. Nizhny Novgorod: DECOM, 2021, 288 p.
15. Pushkin A.S. *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (accessed 10.03.2024)
16. Skjerderud F. *Bespokoystvo. Puteshestvie v sebja* [Anxiety. A journey into yourself]. Samara: Publishing house “Bakhrakh-M”, 2003, 480 p.
17. Fedor Ivanovich Shaljapin. Pis'ma [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Letters]. *Fedor Ivanovich Shaljapin. T. 1: Literary heritage. Letters.* Moscow: Iskusstvo, 1976, pp. 321-618.
18. *Fedor Ivanovich Shaljapin. T. 2. Vospominanija o F.I. Shaljapine* [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 2. Memories of F.I. Chaliapin]. Moscow: Iskusstvo, 1977, 600 p.
19. *Fedor Ivanovich Shaljapin. T. 3. Stat'i i vyskazyvanija* [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 3. Articles and statements]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 392 p.
20. Chesnokova L.V. Filosofskie smysly nostal'gii kak toski po rodnomu domu [Philosophical meanings of nostalgia as homesickness]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*, 2016, no. 1 (103), pp. 126-129.
21. Shalyapin F.I. Maska i dusha. Moi sorok let na teatrah [Mask and shower. My forty years in theaters]. Shalyapin F.I. *Stranitsy iz moey zhizni. Maska i dusha* [Pages from my life. Mask and soul]. Moscow: Book Chamber, 1990, pp. 222-431.
22. Shalyapin F.I. Stranicy iz moej zhizni [Pages from my life]. Shalyapin F.I. *Stranitsy iz moey zhizni. Maska i dusha* [Pages from my life. Mask and soul]. Moscow: Book Chamber, 1990, p. 25-221.
23. Jakovleva E.L. Kazanskaja Sukonnaja sloboda i Fedor Ivanovich Shaljapin. K 150-letiju so dnja rozhdenija ruskogo basa [Kazan Cloth settlement

and Fyodor Ivanovich Chaliapin. To the 150th anniversary of the birth of the Russian bass]. *Muzyka i vremja*, 2023, no. 11, pp. 11-19. <https://doi.org/10.25791/music.11.2023.1260>

24. Jakovleva E.L. Raskolotost' dushi F.I. Shaljapina kak kljuch k genial'nosti [The cleavage of F.I. Chaliapin's soul as the key to genius]. *Azimet nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija*, 2023, vol. 12, no. 2(43), pp. 153-157. https://doi.org/10.57145/27128474_2023_12_02_32

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова»

ул. Московская, 42, г. Казань, РТ, 420111, Российская Федерация

mifoigra@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophy Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

42, Moskovskaya Str., Kazan, 420111, Russian Federation

mifoigra@mail.ru

SPIN-code: 3784-8642

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

ResearcherID: AAT-5412-2021

Поступила 01.03.2024

После рецензирования 15.03.2024

Принята 26.03.2024

Received 01.03.2024

Revised 15.03.2024

Accepted 26.03.2024

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-223
УДК 1.130.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Н.Н. Исаченко

В отечественной гуманитарной мысли проблематика сохранения и дальнейшего развития духовной, ценностной компоненты деятельности человека в условиях развивающегося информационно-сетевого общества широко обсуждается. Информатизация, цифровизация, расширяя границы информационно-сетевого пространства, конструктивно преобразует бытие человека. Экранная, сетевая культура демонстрирует качественно новые подходы к осмыслению феноменов «культура», «ценности», «нормы». Идеи, тиражируемые виртуальными контркультурами и субкультурами, имеющими направленность на формирование утилитаристских, гедонистических установок, способствуют нивелированию этических, моральных принципов, деформации системы ценностей. Это свидетельствует о том, что динамика ценностных основ смещается от высшего к низшему полюсу: от духовных - к материальным, от традиционных - к универсальным, от социально-значимых - к индивидуальным ценностям. В фокусе обозначенной проблемы предлагается создание гуманистически ориентированной среды, наполненной этическими императивами, фундаментальными ценностями.

Ключевые слова: *экранная и сетевая культура; культурные универсалии; медиация; гуманистически ориентированная среда; инструмент мягкой силы; нивелирование традиционных ценностей; разрушение смысложизненных ориентиров; культурный нигилизм*

Для цитирования. Исаченко Н.Н. Трансформация ценностных основ культуры информационно-сетевого общества // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 1. С. 59-77. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-223

Original article | Theory and History of Culture and Art

TRANSFORMATION OF THE VALUE FOUNDATIONS OF CULTURE INFORMATION NETWORK SOCIETY

N.N. Isachenko

In Russian humanitarian thought, the problems of preserving and further developing the spiritual, value component of human activity in the context of a developing information and network society are widely discussed. Informatization, digitalization, expanding the boundaries of the information and network space, constructively transforms human existence. Screen, network culture demonstrates qualitatively new approaches to understanding the phenomena of “culture”, “values”, “norms”. The ideas propagated by virtual countercultures and subcultures aimed at the formation of utilitarian, hedonistic attitudes contribute to the leveling of ethical, moral principles, and the de-formation of a value system. This indicates that the dynamics of value bases is shifting from the highest to the lowest pole: from spiritual to material, from traditional to universal, from socially significant to individual values. The focus of this problem is to create a humanistically oriented environment filled with ethical imperatives and fundamental values.

Keywords: screen and network culture; cultural universals; mediation; humanistically oriented environment; tool of soft power; leveling of traditional values; destruction of meaningful life orientations; cultural nihilism

For citation. Isachenko N.N. Transformation of the Value Foundations of Culture Information Network Society. *Russian Studies in Culture and Society*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 59-77. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-223

Введение

Культура, «активно культивируя человеческий разум» [7, с.147], формирует нравственный, интеллектуальный и культурный облик личности, осуществляет её воспроизводство. Универсалии культуры, определяя категориальный строй сознания человека, формируют мировоззрение, систему ценностей. Стержневые трансформации, произошедшие в культуре под влиянием информационно-коммуникационных процессов, являются предметом для научных дискуссий, в фокусе которых проблематика феномена сетевой и экранной культуры. Актуальность исследуемой темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления проблемы экспансии сетевой и экранной культуры как одной из значимых в философии культуры. Их генезис и эволюция приобретает особую популярность в социогуманитарном дискурсе в фокусе наблюдаемого изменения в ценностной шкале информационно-сетевого общества. Проблематика феномена сетевого общества, сетевой и экранной культуры нашла отражение в трудах М. Кастельса, Ф. Капра, Г. Рида, С. Норриса, И. Л. Сергеевой, С. В. Девятовой, В. П. Казарян, Т. В. Фомичевой, В. И. Катаевой, Н. М. Кропачева, В. В. Архипова и многих других.

Цель данного исследования заключается в определении влияния сетевой и экранной культуры на формирование ценностных основ культуры современного общества. Достижение цели достигается через решение следующих **задач**: осуществить анализ сетевой и экранной культуры как феномена сетевого общества; определить степень влияния сетевой и экранной культуры на изменение ценностных основ культуры; предложить пути решения существующих проблем.

Методы и материалы

В контексте исследуемой проблематики применялся комплексный подход, основанный на взаимосвязи явлений и процессов, происходящих в массовой культуре, на всестороннем изучении ценностных основ культуры как объекта исследования. Аксиологический подход позволил исследовать сетевую и экранную культуру как

совокупность позитивных и негативных ценностных установок. Были использованы социокультурный подход, сравнительный метод, метод синтеза и анализа. В качестве основного выступил междисциплинарный подход как система, интегрирующая философские, культурологические знания, результаты социологических исследований, так как объективность исследования можно достичь, сопоставив результаты, полученные разными областями знаний. Теоретической базой явились работы отечественных и зарубежных авторов В.С. Степина, Н.Н. Моисеева, М.С. Кагана, В.А. Кутырева, М. Кастельса, Ф. Капра, Г. Рида, С. Норриса.

Новизна

Представлена комплексная характеристика сетевой и экранной культуры как совокупности виртуальных и виртуально-реалистичных образований, обладающих информационным, коммуникационным, организационным, суггестивным и репрессивным потенциалом. Сетевая культура репрезентирована множеством виртуальных субкультур, контркультур, структурируемых спецификой системы ценностей, норм, оценок, позиционирующих ценностям и установкам сформированной в обществе культуры. В процессе воздействия на коллективное сознание сетевая культура, демонстрируя репрессивный характер, использует не физическую силу, а воздействующую на сознание силу символических форм, образов.

Результаты и обсуждения

Формирование ценностных основ культуры общества было прерогативой сферы образования, культуры, религии и философии. Широкомасштабная медиатизация, компьютеризация и цифровизация всех сфер общества сместила центр духовного влияния на коллективное сознание с традиционных институтов к экрану телевизора и монитору компьютера, создав условия для формирования новых видов массовой культуры: информационной, цифровой, экранной, сетевой. Экранная культура, как разновидность массовой культуры, материальным носителем текстов которой был экран, зародившаяся в

эпоху кино, развивающаяся в эпоху телевидения, соединив воедино видео и аудио (изобразительное, музыкальное, киноискусство, театр), на протяжении многих лет была одним из духовных источников развития общества, выполняя функцию передачи культурных ценностей, сохранения традиций, формируя образцы поведения, вкусы, моду, стиль. В современном обществе главным носителем информации стал дисплей компьютера, расширивший возможности экранной и сетевой культуры благодаря новым технологиям.

К сожалению, в современной гуманитаристике долгое время изучению сетевой и экранной культуры не уделялось серьёзное внимание. Но сложившаяся сегодня ситуация требует глубокого анализа их влияния на массовое сознание в рамках философско-культурологической теории. Испанский социолог М. Кастельс, обративший внимание на формирование сетей одним из первых, утверждал, что «распространение сетевой логики скажется на результатах и процессах, связанных с производством, культурой и властью» [8, с. 494]. С развитием Интернета в сетевом обществе, образованном в виртуальном пространстве, выстраиваются социальные взаимодействия огромного количества людей, формируется сетевая, развивается экранная культура.

В оценке сетевой, экранной культуры и определения её влияния на формирование ценностных основ современной культуры позиции исследователей расходятся. В рамках продуктивного подхода роль сетевой и экранной культуры в обществе оценивается положительно, её интерпретируют как особую знаковую систему, выступающую связующим звеном между обществом и человеком. В западном научном дискурсе сетевую культуру признают одной из значимых характеристик современного общества.

Не вызывает сомнений, что широкое внедрение информационно-компьютерных технологий в производство и быт для большого количества людей имеет положительное значение. В условиях расширения информационно- сетевого пространства создаются условия для развития научной, творческой, образовательной деятельности. Сетевая и экранная культура, расширяя пространственно-времен-

ную ограниченность, осуществляет широкую трансляцию не только научной, исторической, культурной информации [14]. Благодаря Интернету, выполняющему функцию инструментального средства в транслировании информационных потоков, миллионы людей имеют виртуальный доступ к мировому наследию, культурным ценностям (музеям, выставкам, театральным постановкам, библиотекам), что способствует стиранию границ между элитарной и массовой культурой. Человечество открыло для себя множество возможностей: развивать интеллект, повышать образовательный и культурный уровень, планировать и осуществлять путешествия, социально-культурные взаимодействия с интересными людьми, быть в курсе всех событий в мире.

Информационно-сетевое общество предстаёт как глобальная инструментальная среда с преобладанием виртуальной коммуникации. Её продуктом является сетевая культура, создаваемая сетевыми сообществами, воспринимающими её как форму, способствующую их объединению. Открытость и доступность Интернета создаёт благоприятные условия в информационно-сетевом пространстве для формирования «социально недифференцированных информационных сообществ» [11], в которых акторы солидаризируются в объединения, группы по интересам, по убеждениям, по этическим пристрастиям, по политическим взглядам. В них появляются возможности для раскрытия творческих способностей, удовлетворяются потребности в межличностном взаимодействии, накапливается и транслируется культурный, социальный опыт. В сетевых сообществах вырабатываются смысложизненные ориентиры, создаётся «лично-креативная культура» [6, с. 166], что способствует формированию социальной идентичности, чувства принадлежности к конкретной группе.

Электронная и сетевая культура как вид массовой, вооружившись новыми технологиями, обрела способность и консолидировать массы при создании общего контента, и атомизировать в отдельные кластеры. В большинстве своём в сетевом обществе формируются виртуальные сообщества, в которых процесс взаимодействия происходит только в сети без живого взаимодействия.

Широкое распространение получили реалистично-виртуальные группы, создающие контенты, сайты с целью привлечения людей для реализации конкретных целей в реальном пространстве. Поэтому некоторые исследователи характеризуют сетевую культуру как социальный механизм угнетения человека [11], «обладающий мощным суггестивным потенциалом» [4, с. 218]. Современный человек, воспринимающий мир через призму масс-продукции, создаваемой на онлайн-платформах, блог-хостингах, веб-сайтах, в процессе поиска информации может оказаться на сайтах экстремистских групп, которые создают свои платформы под видом военно-патриотических сайтов, осуществляя вербовку adeptов. Через суггестивные практики воздействия на сознание осуществляется идеологическая обработка, перестройка мышления всех посетивших сайт [12, с. 103]. Под влияние попадают люди, не способные критически анализировать информационные потоки, не определившие смысл своего существования. Результатом является нравственная и ценностная дезориентация, неверная расстановка жизненных приоритетов, разрушенные смысложизненные ориентиры, готовность к реализации деструктивных действий, террористических актов. Деятельность таких групп направлена на социальную и политическую дестабилизацию общества, что несёт угрозу национальной безопасности страны.

Исследования, проведённые отечественными и зарубежными социологами О. В. Рогач, Е. В. Фроловой, К. Варнелисом, Г. Ридом, С. Норрисом, свидетельствуют об амбивалентном воздействии экранной и сетевой культуры на сознание и поведение молодого поколения. Обладая такими признаками как доступность, зрелищность, привлекательность, нацеленность на коммерческий успех, на создание культа успешности и богатства, продукция сетевой и экранной культуры особенно привлекает молодое поколение.

Цифровые технологии способствуют формированию особой культуры восприятия информации, получившей название «клиповое мышление». Термин «клиповое мышление» в научном дискурсе интерпретируется как тип мышления, при котором информация

воспринимается фрагментарно. Для него характерны следующие особенности: высокая скорость обработки информации, приоритет графических образов над текстами, игры над мыслительной деятельностью. Но тревогу вызывает тот факт, что формирование клипового мышления сопровождается утратой: а) способности акторов воспринимать последовательно изложенную информацию, б) умения анализа и обработки информации, в) умения устанавливать причинно-следственные связи, г) способности выражать свои мысли.

Созданный в сетевой культуре своеобразный язык, включающий сленговые формы, знаки, символы (лайки), ведёт к стандартизации образа мысли, способствует снижению интеллектуального и культурного уровня. Сетевая и экранная культура бывает лишена когнитивного содержания, идентификационного смысла, но при этом нагружена эмоционально-чувственным содержанием, поэтому долгое пребывание в социальных сетях оказывает негативное воздействие на психику подростков. Просмотр деструктивных контентов «способствует нарастанию стресса, увеличению депрессивного состояния» [13, с. 310]. С другой стороны, перемещение общения в интерактив позволяет им найти друзей, способствует снижению подавленного состояния, улучшению настроения через положительные комментарии, «лайки». Но зависимость от чужих оценок, кибербуллинг влияет на психику, вплоть до неврозов и суицидальных мыслей» [21].

Ценностная система сетевых сообществ нередко вступает в противоречие с культурной парадигмой общества. Негативное влияние на массовое сознание, на трансформацию системы ценностей оказывают распространяемые в Интернете «треш-стримы», демонстрирующие сцены насилия над людьми, животными, сцены, унижающие человеческое достоинство. Шок-контенты, содержащие оскорбительные выражения, непристойные фото и видео, способствуют эстетизации насилия, порочности, признанию их нормой. Агрессивные информационные воздействия на сознание наносят вред моральному и психологическому состоянию, трансформируют представление о морали, о нравственных, этических нормах,

способствуют освобождению сознания от нравственной оценки собственных аморальных поступков и деструктивных действий других. Деструктивные информационные потоки нередко вызывают зеркальную реакцию у реципиентов, побуждая их к действиям, противоречащим общепринятым нормам [16].

Встроенная в фильмы, телешоу, телепрограммы, видеоролики реклама как инструмент изменения массового сознания, активно пропагандирует культуру потребительства, суть которой содержится в идее: счастье людей заключается в удовлетворении его потребностей. В результате увеличивается количество людей, заикленных на личном благополучии, комфорте, достатке, что способствует формированию «потребителя-гедониста» [2, с. 84].

Динамика информационно-сетевое общества находит отражение в информационных потоках, формирующих новые «горизонты» визуального восприятия информации, конструируемой как зрелище, перформанс, примитивизм, что становится объектом резкой критики. Продукция сетевой и экранной культуры коммерциализирована, носит утилитарно-прагматический характер. В условиях коммерциализации, вестернизации, транслируемая через массмедиа сетевая и экранная культура обрела статус общедоступного, примитивного товара, пользующегося большим спросом. Фокусируя внимание людей на их базовых интересах, сетевая и экранная культура создаёт продукцию, рассчитанную на усреднённый потребительский вкус. Для неё характерно стремление к многообразию форм, к культурному нигилизму, к эклектизму. Отход сетевой и экранной культуры от традиций, нивелирование моральных норм, установок, этических табу, традиционных ценностей свидетельствует о серьёзных проблемах, требующих решения на всех уровнях. Вопросы, связанные с оценкой значимости сетевой и экранной культуры, определения влияния её продукции на сознание и поведение молодого поколения стали предметом обсуждения на всех уровнях, в том числе на уровне правительства.

В 2022 году, объявленном годом культурного наследия народов России, был издан Указ Президента «Об утверждении Основ госу-

дарственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которым даётся следующее определение: «традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [1]. К традиционным отнесены такие ценности как патриотизм, честь, достоинство, гуманизм, милосердие, служение Отечеству, семья, и другие.

Главной целью является «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей» [1] в противодействии деструктивной идеологии и пресечении деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей, популяризация традиционных ценностей для формирования российской идентичности, развития патриотических чувств.

Практика показывает, что со стороны государства делаются шаги для реализации Указа. Создаются центры, объединения, проекты, меняется направленность деятельности учреждений культуры, библиотек, музеев. Но, к сожалению, и экран телевизора, и монитор компьютера нередко используются пропагандистами американской культуры как инструмент мягкой силы влияния на сознание [18]. Трансляция либеральных идей, ценностей оказывает негативное влияние на сознание молодого поколения, способствуя формированию своеобразной иерархии ценностей, потребностей, изменению аксиологической картины бытия. Образы героев, сюжеты фильмов, развлекательных роликов, видео с характерным агрессивным напором несут антикультуру в массы, формируя дурновкусие, пробуждая низменные инстинкты, создавая «духовно опустошённое» пространство. Такая продукция способствует нравственной

и ценностной дезориентации, отчуждению от высокой культуры, нивелированию традиционных ценностей.

Информационно-сетевое пространство перенасыщено продукцией американской культуры ключевыми маркерами которой являются комфорт, престиж, личностный успех. На федеральных каналах, в онлайн кинотеатрах, на сайтах транслируются фильмы, в которых популяризируют насилие, жестокость, культ силы, культ тела и денег, что негативно влияет на массовое сознание и поведение. Под их воздействием происходит смещение центра духовного мира личности с культа разума к культу тела, наблюдается переход от рациональности к телесности, формируется потребность в острых ощущениях, стремление к сексуальной свободе. Практика навязывания миру американской культуры характеризуется как культурный империализм [18].

Американская культура признается крупнейшим культурным экспортёром, прививающим всему миру не только «язык, моду, музыку, одежду, но и образ жизни, отношение к личной жизни и семье, поведенческие стандарты» [17, с. 46]. Нет сомнения в том, что идеи и ценности американской культуры оказывают амбивалентное влияние на массовое сознание. При этом следует отметить, что личность, обладающая высоким уровнем интеллектуального и нравственного развития, способная критически мыслить и анализировать события, происходящие в обществе, не подвержена влиянию негативных тенденций. Это зависит, в первую очередь, от того, насколько устойчивы убеждения личности, насколько развита социальная ответственность и какие ценности, идеи определяют её мировоззрение.

Результаты

Анализ трудов отечественных и зарубежных авторов В. А. Кутырёва, С. В. Девятовой, И. Л. Сергеевой, результатов социологических исследований О. В. Рогач, Е. В. Фроловой, К. Варнелиса, Г. Рида, С. Норриса, собственное видение проблемы позволяют сформулировать вывод о том, что массовая (сетевая экранная, электронная) культура является средством общения и источником, выполняющим

функцию передачи культурных ценностей, норм. Сетевая и экранная культура, охватывая большое количество акторов, порождая образы, мысли, представления об окружающем мире, обладает способностью оказывать амбивалентное влияние на сознание и поведение масс [10]. Она открывает возможности для творческой деятельности, для развития профессиональных компетенций, для внедрения креативных проектов, делает жизнь человека менее зависимой от социально-экономических факторов.

Интенсифицируемые в Интернет-пространстве представителями поп-культуры, субкультур, контркультур западные ценности, либеральные идеи, вступают в противоречие с закреплёнными в обществе нормами и ценностями. Искажённое восприятие свободы способствует нивелированию нравственных запретов, предписаний, признанию деструктивных действий многообразием поведения, а проявление безнравственного - нормой. Низвергая существующие в обществе этические, моральные принципы, нивелируя традиционные ценности, сетевая и экранная культура, обрела статус публичной сферы, демонстрирующей антикультуру, квазиценности, что свидетельствует о кризисе культуры [5].

Идеи, установки, ценности, привнесённые из другой культуры, нередко разрушают культурные и национальные основы, отрицая традиционные ценности, вследствие этого «люди лишаются своих корней, почвы, своего подлинного мира, прекращая стремиться к конечной цели» [19, с. 128]. Отказ от традиций, существующих порядков, нигилизм всего устоявшегося в обществе ведёт к радикальным сдвигам в структуре коллективного сознания, снижая уровень морально-нравственных качеств личности, способствуя утрате «субстанциальных жизненных содержаний». Эти процессы способствуют формированию деструктивных явлений в обществе, проявлению агрессии, злости, ненависти и свидетельствуют о кризисе культуры, кризисе нравственности, кризисе сознания.

Парадигма экранной и сетевой культуры определяется новыми способами трансляции информации, суггестивными способами воздействия на сознание. В сетевой и экранной культуре формируются

новые понятия, символы, ценности, нормы, в которых отсутствуют моральные ограничения, преобладает ориентация на прагматизм, эвдемонизм, эгоцентризм. В этой связи механизм динамики ценностных основ в информационно-сетевом обществе постепенно смещается с духовных - к материальным, с традиционных – к универсальным, с социально-значимых - к индивидуальным, с природных- к технологическим.

Ситуация, сложившаяся в обществе, свидетельствует о том, что «в рамках имманентной социальной динамики в технологическом, экономическом, политическом и культурном секторах под влиянием сетевой и экранной культуры мы переживаем период обезличивания знаний, системы ценностей» [20], традиций, что свидетельствует о существующей угрозе национальной и культурной безопасности страны.

Заключение

В фокусе решения обозначенной проблемы предлагается создание в информационно-сетевом обществе культурной, гуманистически ориентированной среды, в которой благодаря развитой инфраструктуре и широкому доступу к культурному наследию будет осуществляться формирование творческой, гуманистически ориентированной личности. Парадигма воспитания гуманистически ориентированной личности включает «золотое правило» нравственности, общечеловеческие ценности (честь, достоинство, добродетель, совесть, уважение, любовь), активизирующие конструктивные поведенческие паттерны.

Существует потребность в наполнении информационно- сетевого пространства материалом, определяющим вектор интеллектуального, нравственного, этического, эстетического развития личности; в создании сайтов, платформ, популяризирующих традиционные ценности, формирующих гуманистические идеалы, эстетические и патриотические чувства. В целях обеспечения культурной безопасности российской культуры мы придаём особое значение воспроизводству культурного наследия, сохранению и передаче молодому поколению культурно-исторического опыта, традиций, обычаев, языка.

Создание гуманистически ориентированной среды предполагает развитие нескольких направлений. 1). Возрождение российского села с развитой инфраструктурой (благоустройство; создание рабочих мест; обеспечение качественным жильем; культурные и спортивные сооружения, Интернет), благоприятных условий для труда, отдыха. Особое внимание придаётся сохранению и популяризации народных традиций, ремёсел их главными носителями и хранителями. 2). Сохранение и укрепление российской идентичности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что возможно в содружестве всех национальных культур, при объединении деятельности всех сфер: образовательной, культурной, научно-технической, политической, экономической, религиозной на условиях диалога, на единстве без доминирования. 3). Так как «универсалии культуры определяют категориальный строй сознания личности, формируя обобщённую картину мира» [15, с. 68], особая значимость придаётся формированию образа гуманистически ориентированной личности через закрепление основ нравственной и этической культуры, гуманистических принципов (человек и его жизнь - высшая ценность), конструктивных паттернов поведения, «сохранение и транслирование общечеловеческих ценностей, культурных универсалий» [4, с. 220], передающихся из поколения в поколение. 4). Создание центров народного творчества. 5). Организация а) бесплатных обучающих онлайн курсов для развития креативного мышления (для школьников, студентов); творческих сайтов-студий (вязание, макраме, рисование) и прочие; б) бесплатных онлайн курсов по этикету и светской этике; в) онлайн платформ, форумов, телепрограмм для взрослых и детей, популяризирующих культуру, традиции народов России. 6). Организация при каждой школе центров творческого развития, научно-технических лабораторий, студий моделирования и конструирования робототехники. 7). Производство и транслирование художественных и документальных фильмов, спектаклей, клипов, музыкальных произведений, демонстрирующих гуманистические идеи. 8). Соблюдение сетевого этикета (нормы, правила, установки конфиденциальности, безопасности, культура речи).

Научно-технический прогресс не стоит на месте, новые технологии создают условия для формирования новых форм социально-культурной деятельности. Культурные инновации прочно входят в жизнь современного человека, поэтому их игнорирование может привести к различным негативным последствиям. Решение этой проблемы видится через медиацию, то есть через поиск различных форм, представляющих синтез традиционных и инновационных ценностей, но при условии доминирования общечеловеческих ценностей, культурных универсалий, традиций, моральных норм и принципов. Наполнение информационно-сетевого пространства информацией, продукцией, содержащей «нравственные, этические императивы, идеалы справедливости, любви, фундаментальные ценности» [3, с. 67] такие как гуманизм, честь, достоинство, патриотизм, милосердие, коллективизм, будет способствовать сохранению и укреплению ядра культурного кода, сплотившего народы России.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.02.2024).
2. Девятова С.В., Казарян В.П. Проблема ценностно-этических ориентиров в цифровом обществе // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 1. С. 83-88.
3. Исаченко Н.Н. Культурный проект как одна из стратегий предупреждения кризиса гуманизма // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12 (104). С. 64-67.
4. Исаченко Н.Н. Суггестия в культуре сетевых сообществ // Философия и культура информационного общества. Десятая международная научно-практическая конференция. СПб, 2022. С. 218-220.
5. Исаченко Н.Н. Роль сетевой культуры техногенной цивилизации в распространении рессентимента // Общество: философия, история, культура. № 11 (67). 2019. С. 134-137.
6. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.:Петрополис, 1997. 204 с.

7. Капра Ф. Скрытые связи /перевод с английского Д. Пальца. М.: ООО Издательский дом «София». 2004. 336 с.
8. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты. Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 294-306.
9. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.М. Иноземцева. М.: Akademia, 1999. 631с.
10. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. 312 с.
11. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 223 с.
12. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб : Алетейя, 2007. 713 с.
13. Рогач О.В., Фролова Е.В. Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 305–314.
14. Сергеева И.Л. Трансформация массовой культуры в цифровой среде // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6. С. 55-65.
15. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб: СПб ГУП, 2011. 408 с.
16. Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №2 (212). С. 80-84.
17. Хлыщева Е В., Алиева Н. В. Влияние культуры США на мировую массовую культуру / Социокультурные исследования в современном культурном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: Астраханский университет. 2021. С. 43-46.
18. Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. - 195 с.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

20. Varnelis K. Conclusion: The Rise of Network Culture. 2007. URL: <https://www.varnelis.net/the-rise-of-network-culture> (дата обращения 25. 01. 2024)
21. Reid G., Norris S.P. Scientific media education in the classroom and beyond: a research agenda for the next decade // Cultural Studies of Science Education. 2016. Vol. 11, iss. 1. P. 147-166.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809. «On the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed 02/19/2024)
2. Devyatova S.V., Kazaryan V.P. The problem of value and ethical guidelines in a digital society. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 83-88.
3. Isachenko N.N. Kul'turny`j proekt kak odna iz strategij preduprezhdeniya krizisa gumanizma [Progetto culturale come una delle strategie per prevenire la crisi dell'umanesimo]. *Società: filosofia, storia, cultura*, 2022, no. 12 (104), pp. 64-67.
4. Isachenko N.N. Suggestion in the culture of network communities. *Philosophy and culture of the information society. The tenth International Scientific and practical conference*. St. Petersburg, 2022, pp. 218-220.
5. Isachenko N.N. The role of the network culture of technogenic civilization in the dissemination of resentment. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2019, no. 11 (67), pp. 134-137.
6. Kagan M.S. *Philosophical theory of value*. St. Petersburg: Petropolis, 1997, 204 p.
7. Capra F. *Skrytye svyazi* [Hidden connections]. translated from English by D. N. M.: Publishing House Sofia LLC, 2004, 336 p.
8. Kropachev N.M. Arkhipov V.V. Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects. *Vestnik SPbGU. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Law], 2023, vol. 14, issue 2, pp. 294-306.

9. Castels M. *The formation of a society of network structures. The new post-industrial wave in the West: an anthology* / edited by V.M. Inozemtsev. M.: Academia, 1999, 631 p.
10. Kutyrev V.A. *The last kiss. Man as a tradition*. St. Petersburg: Aleteya, 2015, 312 p.
11. Moiseev N.N. *The fate of civilization. The path of reason*. Moscow: Yaz. rus. kultury, 2000, 223 p.
12. Porshnev B.F. *On the beginning of human history (problems of paleopsychology)*. St. Petersburg: Aleteya, 713 p.
13. Rogach O.V., Frolova E.V. Analysis of the impact of social networks on modern adolescents: key problems and destructive consequences. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 305-314.
14. Sergeeva I.L. Transformation of mass culture in the digital environment. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 2016, vol. 6, no. 6, pp. 55-65.
15. Stepin V.S. *Civilization and culture*. St. Petersburg: SPB GUP, 2011, 408 p.
16. Fomicheva T.V., Kataeva V.I. The values of Russians in the context of digitalization of the Russian economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of the regions of Russia], 2019, no. 2 (212), pp. 80-84.
17. Khlysheva E. V., Alieva N. V. The influence of US culture on world mass culture. *Socio-cultural studies in the modern cultural space. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Astrakhan: Astrakhan University, 2021, pp. 43-46.
18. Tsvetkova N. A. *Cultural imperialism: the international educational policy of the United States during the Cold War*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2007, 195 p.
19. Yaspers K. *The meaning and purpose of history*. M.: Politizdat, 1991, 527 p.
20. Varnelis K. Conclusion: The Rise of Network Culture. 2007. URL: <https://www.varnelis.net/the-rise-of-network-culture> (accessed 25.01.2024).
21. Reid G., Norris S.P. Scientific media education in the classroom and beyond: a research agenda for the next decade. *Cultural Studies of Science Education*, 2016, vol. 11, iss. 1, pp. 147-166.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Исаченко Надежда Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий
Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, г. Тюмень, 625000, Российская Федерация
isachenkonadezhda@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Isachenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Technology
Tyumen Industrial University
38, Volodarsky Str., Tyumen, 625000, Russian Federation
isachenkonadezhda@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7246-5822>

Поступила 17.02.2024

После рецензирования 05.03.2024

Принята 10.03.2024

Received 17.02.2024

Revised 05.03.2024

Accepted 10.03.2024

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-224

УДК 316.44

Научная статья | Социология культуры

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АКАДЕМИЧЕСКИХ ОБМЕНОВ СТУДЕНТАМИ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ И РОССИЙСКИМИ ВУЗАМИ

Ли Вэньцзэ

Теория академических обменов подчеркивает важность международного сотрудничества для повышения качества образования, стимулирования инноваций и поощрения культурного разнообразия. Китай и Россия - две крупные мировые державы с богатой историей и культурой. Обмен иностранными студентами между странами является важным аспектом дружественного формата сотрудничества в сфере высшего образования. В ходе такого обмена студенты могут улучшить навыки иностранного языка, обогатить личный жизненный опыт, обеспечить высокую конкурентоспособность при трудоустройстве, расширить знания и умения в области получаемой профессии. В данной статье анализируется текущая обстановка и прогнозирование будущих направлений развития образовательного обмена через различные призмы, в том числе через опыт академического обмена студентами между университетами двух стран. Проводится анализ установки студентов из Китая, обучающихся в СПбГУ, на получение высшего образования в России. Автор отмечает, что академические обмены и зарубежный опыт обучения предоставляют возможность иностранным студентам расширить свой кругозор и удовлетворить свои эмоциональные потребности в учебе и жизни. Студенты из обеих стран получают возможность погрузиться в другую культурную и академическую среду, улучшить навыки межкультурного общения и расширить свои глобальные перспективы. Также акцентируется внимание на

мнение китайских студентов о качестве высшего образования в России. Для государства академические обмены студентами имеют большое значение, так как они выступают инструментами формирования «мягкой силы» в другой стране, укрепляют дипломатические отношения между странами, формируют положительный имидж государства, привлекают инвестиции и др. Таким образом, академические обмены являются для стран способом развития сотрудничества на различных уровнях – от образовательного до экономического.

Цель. *Исследовать текущее состояние концепции академического обмена студентами между Китаем и Россией, изучить значение данного международного сотрудничества для развития системы высшего образования.*

Метод или методология проведения работы. *В работе используются сбор и анализ информационных источников, исторический метод, сравнение и обобщение, проведение опроса с помощью авторского анкетирования. Для анализа эмпирических данных используется программное SPSS Statistics 23.*

Результаты. *Результатом работы выступает выявление особенностей сферы академического обмена студентами между Китаем и Россией, определение важности данного сотрудничества для развития системы высшего образования на международном уровне. Автор приходит к выводу, что сотрудничество в развитии инноваций в ключевых областях образования способствует сглаживанию культурных различий стран, расширяет возможности для студентов обеих стран в получении высшего образования.*

Область применения результатов исследования. *Результаты исследования могут быть использованы в образовательной сфере международного сотрудничества. Преподавателям и специалистам, занимающимся планированием образовательного процесса в университетской сфере, доступна возможность создания инновационного подхода к улучшению программы академического обмена студентами, учитывая социокультурные критерии, проанализированные в статье.*

Ключевые слова: социология культуры; образовательные обмены; академическая мобильность; сотрудничество в сфере образования; китайские студенты; российские студенты; иностранные студенты; образование

Для цитирования. Ли Вэньцзэ. Теория и практика академических обменов студентами и сотрудничества между китайскими и российскими вузами // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 1. С. 78-96. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-224

Original article | Sociology of Culture

THEORY AND PRACTICE OF ACADEMIC STUDENT EXCHANGES AND CO-OPERATION BETWEEN CHINESE AND RUSSIAN UNIVERSITIES

Li Wenzhe

The theory of academic exchanges emphasises the importance of international cooperation to improve the quality of education, stimulate innovation and promote cultural diversity. China and Russia are two major world powers with rich history and culture. The exchange of international students between the countries is an important aspect of the friendly format of cooperation in higher education. During such exchange, students can improve their foreign language skills, enrich their personal life experience, ensure high competitiveness in employment, and expand their knowledge and skills in the field of their profession. This paper analyses the current situation and predicts future directions of educational exchange through various prisms, including the experience of academic student exchange between universities in the two countries. It analyses the attitudes of Chinese students studying at SPbSU towards higher education in Russia. The author notes that academic exchanges and foreign learning experiences provide opportunities for international students to broaden their horizons and fulfil their emotional needs in study and life. Students from both countries have the opportunity to immerse themselves in a different cultural

and academic environment, improve their intercultural communication skills and broaden their global perspectives. It also focuses on the opinion of Chinese students about the quality of higher education in Russia. Academic exchanges of students are of great importance for the state, as they act as instruments of forming «soft power» in another country, strengthen diplomatic relations between countries, form a positive image of the state, attract investments, etc. Thus, academic exchanges are a way for countries to develop cooperation at various levels - from educational to economic. Thus, academic exchanges are a way for countries to develop co-operation at various levels - from educational to economic.

Purpose. *To investigate the current state of the concept of academic student exchange between China and Russia, to study the significance of this international co-operation for the development of the higher education system.*

Methodology. *The paper uses collection and analysis of information sources, historical method, comparison and generalisation, survey with the help of the author's questionnaire. SPSS Statistics 23 software is used to analyse empirical data.*

Results. *The result of the work is the identification of the peculiarities of the sphere of academic exchange of students between China and Russia, the determination of the importance of this cooperation for the development of the higher education system at the international level. The author concludes that cooperation in the development of innovations in key areas of education contributes to the smoothing of cultural differences between the countries, and expands opportunities for students of both countries in higher education.*

Practical implications. *The results of the study can be used in the educational sphere of international cooperation. Teachers and specialists involved in planning the educational process in the university sphere have the opportunity to create an innovative approach to improve the academic exchange programme for students, taking into account the socio-cultural criteria analysed in the article.*

Keywords: *sociology of culture; educational exchanges; academic mobility; educational co-operation; Chinese students; Russian students; foreign students; education*

***For citation.** Li Wenze. Theory and Practice of Academic Student Exchanges and Co-Operation between Chinese and Russian Universities. Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 78-96. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-224*

Введение

Академическая мобильность рассматривается как специфическая форма передвижения студентов между странами для образовательных и научно-исследовательских целей. С начала марта 2022 года рамки международного сотрудничества РФ в сфере образования подверглись значительным изменениям. В Российской Федерации заблокирована реализация проектов международного сотрудничества в сфере образования, таких как «Эразмус+» и «Болонский процесс». Германия, Франция, Польша, Чехия и ряд других западных стран прервали традиционные программы студенческого обмена с Россией [11, с. 909]. Из-за таких ограничений рейтинг Китая для студентов из России может значительно повыситься в краткосрочной перспективе. Совместные проекты, ориентированные на определенные области знаний, предусматривают расширенные возможности и перспективы. Культурная дипломатия является элементом укрепления позиций и влияния Китая в мировом образовательном пространстве [15, 17]. Исследования способны обеспечить тщательный анализ разных сторон вопроса академической мобильности между РФ и КНР. Имеется необходимость применения трансдисциплинарного подхода.

Помимо академической пользы, такие обмены помогают укреплению дипломатических отношений между Китаем и Россией. Развивая академические связи, университеты обеих стран стараются наводить «мосты дружбы», выходя за пределы национальных границ и способствуя созданию более взаимосвязанного мира.

Участвуя в программах обмена, студенты из китайских и российских университетов знакомятся с различными методами преподавания, исследовательскими технологиями и культурной практикой, расширяя свой кругозор.

Необходимо отметить важный документ - «Дорожную карту российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере до 2030 года», согласно которому сотрудничество в сфере образования между двумя странами выделяется в отдельный раздел, определяются будущие цели и задачи по каждому направлению российско-китайского сотрудничества, включая расширение масштабов обмена студентами [5, с. 193-199].

Главный фактор многогранности процесса трансформации сотрудничества КНР и РФ - потребность в систематизации большого объема междисциплинарных данных об академической мобильности между двумя странами, анализ влияния и взаимодействия этих двух стран на глобальном образовательном рынке.

Материалы и методы

В рамках изучения теоретических и практических аспектов академических обменов студентами между китайскими и российскими ВУЗами применялись следующие методы исследования: сбор и анализ информационных источников, исторический метод, сравнение и обобщение, а также определение закономерностей развития российско-китайских отношений в сфере высшего образования, выявления проблем и прогнозирования будущих тенденций. Исследование опирается на результаты авторского анкетного опроса, который был проведен среди китайских студентов СПбГУ, обучающихся в 2023/2024 г. Проведение анализа полученных фактических данных осуществлялось с использованием программного обеспечения SPSS Statistics 23.

Результаты и обсуждения

В настоящее время, в условиях кризиса и сложностей, присущих современному миру, особое значение приобретает эффективное обучение граждан в ВУЗах, а также прогресс науки с целью достижения индустриальной независимости. Эти факторы становятся фундаментом для существования и развития общества. Образование является непреходящим ресурсом в экономике знаний, обеспечива-

ющим успешную реализацию важных социально-экономических проектов [9, с. 228-237].

Язык и знания - основные составляющие академической мобильности, которая взаимосвязана с интеграцией образования, торговлей образовательными услугами, международным сотрудничеством и культурным обменом. Важными аспектами в этом контексте являются миграция, политическое воздействие, разнообразие культур и циркуляция знаний между странами. Это способствует формированию позитивного имиджа страны как образовательного центра и развитию международного образовательного сотрудничества.

В современных исследованиях, изучающих эволюцию конкурентных процессов в связанном мире, широко применяется термин «конкурентное партнерство». Сам процесс конкуренции является сложным, многоуровневым и динамичным явлением, и универсальная теория этого явления стремится стать самостоятельной научной областью [2, 16, 17].

В российско-китайских отношениях наличие элементов взаимодействия и сотрудничества не исключает возможности проведения отдельных стратегий, нацеленных на достижение преимущества в конкурентной борьбе [19].

Мировой рынок высшего образования стремительно расширяется, и в связи с этим Министерство науки и высшего образования РФ прилагает усилия для гармоничной интеграции российской академической системы в международный формат. Важным условием успешной модернизации образования является согласованность российской системы с многообразием культур на уровне всей цивилизации. Достижение данной цели облегчают принципы интеграции, разработанные и реализуемые в Российской Федерации, во всех сферах деятельности на Евразийском континенте, включая университетскую среду. Важно взаимное сближение образовательных систем России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе с Китайской Народной Республикой [6, с. 26-31].

Китайские и российские университеты часто подписывают меморандумы о взаимопонимании, чтобы официально закрепить свое

сотрудничество, определяя конкретные области взаимодействия, такие как совместные программы получения степени, обмен преподавателями и совместные исследовательские инициативы. Эти соглашения создают основу для устойчивого партнерства и прокладывают путь к долгосрочному академическому сотрудничеству между учебными заведениями [18].

Результаты

Рассматривая в динамике область академического обмена студентами между Китаем и Россией, необходимо учитывать данные прошлых лет. В 2018 году количество иностранных студентов в России превысило 313 тыс. человек (что составляло 5,7% общего числа студентов в стране), в то время как в Китае этот показатель превысил 506 тыс. человек (что составляет 1,1% от общего числа китайских студентов). Ежегодные темпы роста числа иностранных студентов составляют от 4,7% до 9,0% в России и от 10,5% до 11,4% в Китае [7, с. 15-24]. В течение каждого последующего учебного года отмечалось постепенное увеличение численности иностранных студентов с 4,7% до 9,0% в России и от 10,5% до 11,4% в КНР [12]. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ в 2022-2023 учебном году было выделено 940 мест, а в 2023-2024 увеличено до 1000 [1].

Традиционно китайские первокурсники предпочитают выбирать литературу, экономику, менеджмент, лингвистику и другие направления. Основной приоритет отдают таким ВУЗам России, как: Московский государственный университет, Санкт-Петербургский Политехнический университет, Российский государственный педагогический университет имени Г.К. Эрзена, Уральский федеральный университет имени Б. Ельцина, Санкт-Петербургский государственный университет» [10, с. 96-98].

Сотрудничество между Россией и Китаем в разных областях, включая обмен опытом в образовательной сфере, имеет свои особенности. Важно отметить, что помимо стремления укрепить стратегическое партнерство и дружбу между двумя странами, существуют определенные разногласия и различия во взглядах на цели и методы сотрудничества.

Эксперты указывают на то, что отношения между правительствами обеих стран можно охарактеризовать как интенсивные, а между народами как более «холодные» [4]. Данное обстоятельство проявляется в международном сотрудничестве России и Китая в политике, энергетике, экономике, обороне, культуре, что подтверждается множеством двусторонних договоренностей и соглашений. Однако, если затрагивать уровень населения, то отмечается отстраненность, в некотором плане безразличие и даже некоторые разногласия по причине различий в культуре, традициях и языке.

Несмотря на это, Россия и Китай успешно осуществляют сотрудничество в сфере образования. В настоящее время в Московском государственном университете в Шэньчжэне обучается более 1800 студентов и аспирантов. Также сформировано 7 колледжей, предлагающих курсы бакалавриата, магистратуры и докторантуры. В 2020 году создано три крупных научно-образовательных центра с передовыми лабораториями, а именно: Центр вычислительной математики и кибернетики, Центр химии и материаловедения и Центр перспективных проблем современной биологии. В ВIT МГУ также есть Центр русского языка, Центр китайского языка, Китайско-русский центр сравнительных правовых исследований, Центр перспективных исторических исследований, Центр искусств и Евразийский центр, Исследовательский центр [8, с. 93-99].

В Китае действуют 7 представительств российских учебных заведений, а китайские ВУЗы имеют 24 филиала российских университетов. Вопреки заявленной открытости, Китай осторожно и выборочно принимает иностранные университеты на свою территорию. В соответствии с действующим законодательством Китая, единственной допустимой юридической формой сотрудничества является партнерство между китайскими резидентами и иностранным участником.

Еще одним важным проектом сотрудничества двух стран является подписанный в июне 2022 года проект «Современный Хайнаньский университет». Это два совместных кампусных проекта, реализуемых Российским национальным исследовательским уни-

верситетом «Московский институт динамики» в международных космических городах Вэньчан и Хайкоу. В Минобрнауки России сообщили, что в Хайнаньском университете Мотонг российские студенты могут обучаться на очной форме по программам бакалавриата и магистратуры. В октябре 2023 года начали обучаться две группы студентов бакалавриата в формате совместных курсов Московского института динамики и Северо-Китайского электро-энергетического университета.

Важным элементом российско-китайского сотрудничества является совместная программа обучения по двойным дипломам, количество которых в настоящее время насчитывается около 220 студентов. Студент по данной программе изучает предметы своей специальности в двух вузах и, соответственно, получает два диплома о высшем образовании. Обучение может происходить параллельно в обоих университетах. В 2022 году в таких программах приняли участие более 10 тысяч студентов колледжей, в том числе 1845 российских и 8858 китайских [1].

В России широко распространены бесплатные стажировки для иностранных научно-педагогических работников и курсы повышения квалификации иностранцев – преподавателей китайского языка. Также для привлечения иностранных студентов увеличилось число стипендий и курсов на английском языке. Более того, одним из ярких примеров выступает «Институт Конфуция» – учебный центр, который функционирует во многих регионах России. С его помощью Китай распространяет свой язык и культуру в глобализирующемся мире. За границей для продвижения китайского языка и культуры созданы 512 Институтов Конфуция (в вузах) и 1073 классов Конфуция (в школах).

Для Китая так важно инвестировать в зарубежный «кадровый резерв», так как это необходимо для продвижения положительного образа не только среди зарубежной интеллектуальной элиты, но и академического сообщества в целом: у студентов формируются взгляды и ценности, характерные для страны обучения, которые они будут ретранслировать в стране проживания.

Автором проведен анкетный опрос 48 студентов из Китая, обучающихся в СПбГУ в 2023/2024 учебном году. Был задан вопрос, определяющий академическую установку данных студентов: «Что для Вас означает получение высшего образования в российском ВУЗе?» (Таблица 1).

Таблица 1.

**Установка китайских студентов на обучение в СПбГУ
2023/2024 учебный год, чел.**

Вопрос: «Что для Вас означает получение высшего образования в российском ВУЗе?»	Ответы		
	Да	Нет	Сложно определить
Получение значимого опыта общения в образовательной среде	28	2	18
Успешное трудоустройство в будущем	8	4	36
Возможность получить качественные знания и умения	42	0	6
Возможность повысить социальный статус в КНР	4	32	11
Только для получения диплома	2	45	1

Для проверки гипотезы о том, что китайские студенты значимо чаще отмечают пользу в получении высшего образования в российском ВУЗе по критериям: возможность успешного трудоустройства, получение значимого опыта и возможность повысить социальный статус в КНР использовался бинаминальный критерий Хи-квадрат с помощью программы SPSS Statistics 23.

Студенты из Китая чаще отмечают, что обучение в российском ВУЗе несет возможность получить значимую часть опыта общения в образовательной среде при $P < 0,01$. Так 93,5% участников согласны с данным утверждением (табл. 2).

Таблица 2.

Результаты бинаминального критерия «получение значимого опыта общения в образовательной среде»

Установка	Проверяемая доля	Точная значимость (двухсторонняя)
Получение значимого опыта общения в образовательной среде	0,50	0,000

В ответе на вопрос о пользе образования для успешного трудоустройства в будущем значимых различий нет ($P=0,38$). Хотя студенты из Китая в 66,6% отмечают его пользу для трудоустройства, но также считают, что оно не всегда является полезным. Значимых сдвигов в какую-либо сторону нет (табл. 3).

Таблица 3.

Результаты биноминального критерия «успешное трудоустройство в будущем»

Установка	Проверяемая доля	Точная значимость (двухсторонняя)
Успешное трудоустройство в будущем	0,50	0,388

Студенты из КНР чаще отмечают, что обучение в российском ВУЗе дает возможность получить качественные знания и умения при $P<0,01$. Так 100% участников согласны с данным утверждением (табл. 4).

Таблица 4.

Результаты биноминального критерия «возможность получить качественные знания и умения»

Установка	Проверяемая доля	Точная значимость (двухсторонняя)
Возможность получить качественные знания и умения	0,50	0,000

Большинство студентов из Китая часто не связывает обучение в российском ВУЗе с повышением социального статуса в КНР при $P<0,01$: 89% участников не согласны с тем, что образование в России влияет на их статус на родине (табл. 5).

Таблица 5.

Результаты биноминального критерия «возможность повысить социальный статус в КНР»

Установка	Проверяемая доля	Точная значимость (двухсторонняя)
Возможность повысить социальный статус в КНР	0,50	0,000

Необходимо отметить, что китайские студенты значимо чаще отмечают, что обучение в российском ВУЗе для них важно не только из-за получения диплома при $P < 0,01$. Так, 95% участников не согласны с тем, что учатся только ради получения документа о высшем образовании (табл. 6).

*Таблица 6.***Результаты биномиального критерия «только для получения диплома»**

Установка	Проверяемая доля	Точная значимость (двухсторонняя)
Только для получения диплома	0,50	0,000

Данные позволяют сделать вывод о том, что обучение по программе академического обмена в России позволяет им получить опыт общения в образовательной среде и несет возможность получить качественные знания и умения.

Стоит отметить некоторые проблемы и недостатки в образовательном обмене между Китаем и Россией. Прежде всего, обе стороны имеют разные системы и модели образования, направления развития и т. д., что требует более глубокого понимания и обмена. Во-вторых, у студентов имеются языковые барьеры в общении, что влияет на беспрепятственное развитие образовательных обменов. В то же время таким проектам не хватает долгосрочной стабильности и планирования. Кроме того, есть студенты и преподаватели недостаточно серьезно воспринимающие китайско-российские образовательные обмены, имеющие когнитивное непонимание и предубеждение [3, с. 230-232].

Предполагается, что тенденция развития образовательных обменов между Китаем и Россией станет более диверсифицированной. Обе стороны будут ближе взаимодействовать в области профессионального образования, информатизации образования и образовательных исследований, и плотнее сотрудничать в продвижении интернационализации высшего образования в обеих странах.

Заключение

1. В последние годы образовательные обмены между Китаем и Россией постоянно укрепляются и развиваются. Академические

обмены и сотрудничество между китайскими и российскими университетами служат мостом, соединяющим людей, идеи и культуры. Благодаря взаимной работе университеты КНР и РФ могут оценить и использовать свои уникальные возможности, развивать научные связи и вносить свой вклад в мировую экономику знаний. Такое сотрудничество не только приносит пользу отдельным студентам и ученым, но и способствует развитию науки, технологий и образования в глобальном масштабе.

2. Представляется возможным, что в будущем сфера образовательных обменов между Китаем и Россией станет более углубленной и диверсифицированной, что будет укреплять взаимопонимания и дружбы между двумя народами. Обе стороны должны уделять больше внимания языковой подготовке студентов и преподавателей, расширять масштабы и глубину образовательных обменов между странами и создавать условия для формирования моста дружественных обменов между данными государствами. Поскольку оба государства являются ведущими в мире в сферах технологий, науки и культуры.
3. Программы обмена не только расширяют учебные возможности для студентов, но и помогают освоить новые знания, побуждают к инновациям в ключевых областях, важных для обеих стран.
4. Путем укрепления академических связей обменные программы России и Китая полезны в изучении культурных особенностей других государств, развивают взаимное уважение.

Список литературы

1. В российских вузах обучается 37 081 китайский студент / Минобрнауки ожидает, что образовательный обмен с КНР усилится: электронный ресурс. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/22/967543-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-37-081-kitaiskii-student> (дата обращения 16.02.2024)
2. Зубарева С.С. Основные направления сотрудничества России и Китая в сфере высшего образования / С. С. Зубарева // Россия и мир: история и современность: Тезисы XI всероссийской конференции

- студентов и молодых учёных, Сургут, 21–23 апреля 2023 года / Редакционная коллегия Е.А. Гаврисенко [и др.]. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2023. С. 79-81.
3. Коваленко А.И. О конкуренции теорий конкуренции // Современная Конкуренция. 2010. № 6. С. 107-116.
 4. Козлов Н.И. Современное сотрудничество России и Китая в области культуры и образования / Н. И. Козлов, Ц. Ван // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11, № 6-1. С. 228-236.
 5. Лян В. Основные актуальные проблемы иностранных студентов в России (на примере китайских студентов) // Современная российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20 мая 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 230-232.
 6. Магдалинская Ю. «Основа сотрудничества: За последнее десятилетие в сфере гуманитарного взаимодействия России и Китая произошел серьезный качественный скачок» // Росс. Газета. Спецвыпуск № 247, 2018. Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2018/11/01/v-gumanitarnom-vzaimodejstvii-rf-i-kr-proizoshel-kachestvennyj-skachok.html> (дата обращения: 10.03.2024)
 7. Мартова А.Д. Программа двойного диплома: особенности совместного обучения в России и Китае / А.Д. Мартова, В.Е. Хисматуллина // Педагогическая наука и педагогическое образование в классическом университете: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Уфа, 27 октября 2022 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологии, 2022. С. 193-199.
 8. Мишакова А.Н. Социокультурный контекст российско-китайского взаимодействия в сфере образования // Primo Aspectu. 2023. № 3(55). С. 26-31.
 9. Рязанцева С.В., Шахрайб С.М., Яникс А.А. Российско-китайская академическая мобильность как конкурентное партнерство // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90, № 1. С. 3-14. <https://doi.org/10.31857/S0869587320010120>
 10. Трофимов Е.А. Современные реалии внешней образовательной миграции // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 1. С. 93-99. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).93-99](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).93-99)

11. Хэ Ч. Сотрудничество Китая и России в сфере образования: проблемы и перспективы // Заметки ученого. 2023. № 5-1. С. 146-151.
12. Черных Е.О. Международный академический обмен: опыт работы России и Китая // Вестник МИРБИС. 2023. № 1(33). С. 228-237.
13. Чжао Ю. Особенности межкультурной коммуникации у китайских студентов в процессе обучения в российских вузах // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6, № 3. С. 96-98.
14. Эбзеева Ю.Н. Позиции российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году / Ю. Н. Эбзеева, Ю. Б. Смирнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 909. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-909-918>
15. A World on the Move: Trends in Global Student Mobility (Institute of International Education, New York, 2018), No. 2 // Education at a Glance 2017: OECD Indicators. OECD Publishing, Paris, 2017.
16. Education at a Glance 2017: OECD Indicators. OECD Publishing, Paris, 2017.
17. Knight J. Moving from soft power to knowledge diplomacy // Int. Higher Education. 2015. No. 8. P. 8–9.
18. Nye J.S. How sharp power threatens soft power // Foreign Affairs. 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 12.02.2024).
19. Friedrich A. Hayek The meaning of competition // Econ Journal Watch. 2016. Vol. 13(2). P. 359–372.
20. Wu H. Three dimensions of China’s ‘outward-oriented’ higher education internationalization // Higher Education. 2019. Vol. 77 (1). P. 81–96.
21. Willsher K. Macron meets Xi Jinping to strengthen EU–China relationship // Guardian. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/26/emmanuel-macronmeets-chinese-leader-in-attempt-to-strengthen-ties> (дата обращения: 22.03.2024).
22. Yao Z. Building competitive partnership between China and the United States. Электронный ресурс. URL: <https://piie.com/system/files/documents/yao20180917remarks.pdf> (дата обращения: 26.02.2024)

References

1. There are 37,081 Chinese students studying in Russian universities / Ministry of Education and Science expects that educational exchange with China will intensify. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/22/967543-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-37-081-kitaiskii-student> (accessed 16.02.2024).
2. Zubareva S.S. Main directions of cooperation between Russia and China in the sphere of higher education. *Russia and the World: History and Modernity: Abstracts of the XI All-Russian Conference of Students and Young Scientists, Surgut, April 21-23, 2023* / Editorial Board E.A. Gavrisenko [et al.]. Surgut: Surgut State Pedagogical University, 2023, pp. 79-81.
3. Kovalenko A.I. On competition of competition theories. *Sovremennaya Konkurentiya*, 2010, no. 6, pp. 107-116.
4. Kozlov N.I., Wang C. Modern cooperation between Russia and China in the field of culture and education. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2021, vol. 11, no. 6-1, pp. 228-236.
5. Liang W. The main actual problems of foreign students in Russia (on the example of Chinese students). *Modern Russian science: current issues, achievements and innovations: a collection of articles of the V All-Russian scientific-practical conference, Penza, May 20, 2023*. Penza: Science and Enlightenment, 2023, pp. 230-232.
6. Magdalinskaya Yu. "The basis of cooperation: Over the last decade in the sphere of humanitarian cooperation between Russia and China there has been a serious qualitative leap". *Ross. Gazeta. Special Issue*, 2018, no. 247. <https://rg.ru/2018/11/01/v-gumanitarnom-vzaimodejstvii-rf-i-kr-proizoshel-kachestvennyj-skachok.html> (accessed 10.03.2024)
7. Martova A.D., Khismatullina V.E. Double degree program: features of joint education in Russia and China. *Pedagogical science and pedagogical education in a classical university: proceedings of the annual International scientific-practical conference, Ufa, October 27, 2022*. Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2022, pp. 193-199.
8. Mishakova A.N. Sociocultural context of Russian-Chinese interaction in education. *Primo Aspectu*, 2023, no. 3(55), pp. 26-31.

9. Ryazantseva S.V., Shakhraib S.M., Yanix A.A. Russian-Chinese academic mobility as a competitive partnership. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 90, no. 1, pp. 3-14. <https://doi.org/10.31857/S0869587320010120>
10. Trofimov E.A. Modern realities of external educational migration. *Izvestia Baikal State University*, 2023, vol. 33, no. 1, pp. 93-99. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).93-99](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).93-99)
11. He Ch. Cooperation between China and Russia in the sphere of education: problems and prospects. *Zametki uchenogo* [Notes of a scientist], 2023, no. 5-1, pp. 146-151.
12. Chernykh E.O. International academic exchange: the experience of Russia and China. *Vestnik MIRBIS* [MIRBIS Bulletin], 2023, no. 1(33), pp. 228-237.
13. Zhao Y. Features of intercultural communication in Chinese students in the process of studying in Russian universities. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2023, vol. 6, no. 3, pp. 96-98.
14. Ebzeyeva Y.N., Smirnova Y.B. Positions of Russian universities in world ratings in 2022. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2022, vol. 22, no. 4, p. 909. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-909-918>
15. A World on the Move: Trends in Global Student Mobility (Institute of International Education, New York, 2018), No. 2. *Education at a Glance 2017: OECD Indicators*. OECD Publishing, Paris, 2017.
16. Education at a Glance 2017: OECD Indicators. OECD Publishing, Paris, 2017.
17. Knight J. Moving from soft power to knowledge diplomacy. *International Higher Education*, 2015, no. 8, pp. 8-9.
18. Nye J.S. How sharp power threatens soft power. *Foreign Affairs*. 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 12.02.2024).
19. Friedrich A. Hayek The meaning of competition. *Econ Journal Watch*, 2016, vol. 13(2), pp. 359-372.
20. Wu H. Three dimensions of China's 'outward-oriented' higher education internationalization. *Higher Education*, 2019, vol. 77 (1), pp. 81-96.

21. Willsher K. Macron meets Xi Jinping to strengthen EU-China relationship. *Guardian*. 2016. <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/26/emmanuel-macronmeets-chinese-leader-in-attempt-to-strengthen-ties> (accessed 22.03.2024).
22. Yao Z. Building competitive partnership between China and the United States. <https://piiie.com/system/files/documents/yao20180917remarks.pdf> (accessed 26.02.2024)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ли Вэньцзэ, аспирант

*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация
luhcans@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Li Wenzhe, postgraduate student

*St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Fed-
eration
luhcans@rambler.ru*

Поступила 04.03.2024

После рецензирования 18.03.2024

Принята 25.03.2024

Received 04.03.2024

Revised 18.03.2024

Accepted 25.03.2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society – специализированный академический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам социокультурной жизни России, и представляющий результаты исследований ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0 по тексту
Рисунки	(1)
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Материалы и методы.
3. Результаты и обсуждение.
4. Заключение.
5. Информация о конфликте интересов.
6. Информация о спонсорстве.
7. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society is a specialized academic peer-reviewed journal devoted to the topical problems of the life of the Russian society and culture, and presenting the results researches of scientists of the post-Soviet space and foreign researchers.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Materials and methods.**
- 3. Results of the research and Discussion.**
- 4. Conclusion.**
- 5. Conflict of interest information.**
- 6. Sponsorship information.**
- 7. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМА ИКОНОПИСНОГО КАНОНА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ А.Н. Михайлов, Л.Б. Михайлова	4
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «ТЕРРУАРА» В.О. Пугачёва	18
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ НОСТАЛЬГИИ КАК ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ГОРОД ДЕТСТВА: Ф.И. ШАЛЯПИН И КАЗАНЬ Е.Л. Яковлева	34
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА Н.Н. Исаченко	59
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АКАДЕМИЧЕСКИХ ОБМЕНОВ СТУДЕНТАМИ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ И РОССИЙСКИМИ ВУЗАМИ Ли Вэньцзэ	78
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	97

CONTENTS

THE PROBLEM OF ICONOGRAPHIC CANON IN ORTHODOX CHURCH PAINTING A.N. Mikhailov, L.B. Mikhaylova	4
CULTURAL STUDIES ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “TERROIR” V.O. Pugacheva	18
THE AMBIVALENCE OF NOSTALGIA AS AN ETERNAL RETURN TO THE CITY OF CHILDHOOD: F.I. CHALIAPIN AND KAZAN E.L. Iakovleva	34
TRANSFORMATION OF THE VALUE FOUNDATIONS OF CULTURE INFORMATION NETWORK SOCIETY N.N. Isachenko	59
THEORY AND PRACTICE OF ACADEMIC STUDENT EXCHANGES AND CO-OPERATION BETWEEN CHINESE AND RUSSIAN UNIVERSITIES Li Wenze	78
RULES FOR AUTHORS	97

